

МАРГАРИТА ФУАРО
ЛИССБЕТ КОТЦОВА

ХОРОШИЕ БЫВШИЕ
ДРАКОНАМ
НЕ ДОСТАЮТСЯ

Маргарита Фуаро

**Хорошие Бывшие
Драконам не Достаются**

«Литнет»

2026

Фуаро М.

Хорошие Бывшие Драконам не Достаются / М. Фуаро —
«Литнет», 2026

Я очнулась в теле женщины, которую уже успели объявить предательницей. Её муж, могущественный дракон Рейнар Дорвен, поверил обвинению и отвернулся от неё. От меня ждут слёз, оправданий и попыток вернуть его. Вот только я не Элиана. И возвращать мужчину, который однажды вынес жене приговор раньше суда, не собираюсь. Мне нужны развод, собственные деньги, безопасный дом и возможность самой решать, что делать со своей жизнью. Есть лишь одна проблема. Тело Элианы всё ещё является вторым ключом к защитному контуру рода Дорвенов. Пока на границе происходят загадочные сбои, мы с бывшим мужем не можем просто разойтись. Теперь нам придётся вместе выяснить, что на самом деле сделала Элиана, кто превратил настоящие факты в доказательство измены и почему кому-то очень выгодно, чтобы драконы дома перестали доверять собственной защите. А Рейнару придётся понять одну неприятную вещь: чем меньше я в нём нуждаюсь, тем сильнее он хочет меня вернуть. Только возвращаться я не собираюсь. Если этот дракон хочет быть рядом со мной, ему придётся добиться не бывшую жену. Меня.

Содержание

Глава 1. Я не буду просить	5
Глава 2. Доказательства против меня	11
Глава 3. Развод и тревога	17
Глава 4. Под защитой бывшего	24
Глава 5. Условия бывшей	29
Глава 6. Договор без любви	36
Глава 7. Ключ, который ничего не помнит	43
Глава 8. Кто проверяет контур?	50
Глава 9. Правдивый рапорт	56
Глава 10. Ложь Лиссы	62
Глава 11. Соседняя строка	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Глава 1. Я не буду просить

– Если вы всё-таки намерены снова требовать разговора с лордом Дорвеном, леди Элиана, у вас осталось меньше четверти часа.

Я открыла глаза.

Потолок был незнакомым.

Это оказалось не самой большой проблемой.

Я лежала на узкой кушетке в комнате, которую кто-то уже начал освобождать от хозяйки. Возле стены стоял закрытый дорожный сундук. На столике лежали перчатки, гребень и сложенный вдвое лист с печатью. Остальных вещей было подозрительно мало.

Женщина у окна смотрела на меня без сочувствия, но и без злорадства. Просто ждала ответа.

– Простите, – сказала я и услышала чужой голос. – Как вы меня назвали?

Она замерла.

– Леди Элиана.

Я посмотрела на свои руки.

То есть не свои.

Пальцы были тоньше. Запястья уже. На правой руке оставалась светлая полоска от недавно снятого украшения.

Я резко села.

Комната качнулась и вернулась на место.

Очень невежливо с её стороны.

Последнее, что я помнила, принадлежало другому миру. Моему. Телефон в руке. Запах кофе. Собственное отражение в стекле.

Здесь не было ни телефона, ни кофе, ни моего отражения.

Зато зеркало имелось.

Я повернула голову.

Из него на меня смотрела незнакомая женщина примерно тридцати лет. Бледная, осунувшаяся и слишком собранная внешне для человека, который явно пережил не лучший день своей жизни.

Я подняла руку.

Она повторила.

Этого хватило.

Паника была роскошью. А у меня, судя по сундуку у стены и словам про четверть часа, не имелось даже времени на нормальную истерику.

Поэтому я сделала то, что привыкла делать с любой катастрофой.

Начала раскладывать её на части.

Первое: тело не моё.

Второе: меня считают леди Элианой.

Третье: какой-то лорд Дорвен не хочет с ней разговаривать.

Четвёртое: скоро случится что-то, после чего разговор может потерять смысл.

Для начала достаточно.

– Где я?

Женщина у окна побледнела.

– В доме Дорвенов.

Ответ не помог.

– Кто такой Дорвен?

Теперь она испугалась по-настоящему.

Дверь открылась прежде, чем я успела решить, хороший это знак или очень плохой.

Вошла женщина лет шестидесяти. Держалась она так, что возраст хотелось уточнять только письменно и через адвоката.

Она посмотрела сначала на меня, потом на мою собеседницу.

– Оставьте нас.

Та вышла с такой скоростью, что мне стало завидно.

Незнакомка дождалась, пока дверь закроется.

– Элиана. Судья уже прибыл.

– Замечательно.

Её брови едва заметно поднялись.

– Не думаю.

– Я тоже. Но пока не знаю достаточно, чтобы подобрать слово точнее.

Она долго смотрела на меня.

– Вы намерены продолжать это представление и перед судьёй?

Вот и первый человек, решивший, что к моим проблемам непременно следует добавить обвинение в плохой актёрской игре.

– Какое именно?

– Вы требовали ещё одного разговора с Рейнаром. Получили отказ. После этого заявили, что без объяснений не подпишете ничего. А теперь спрашиваете, где находитесь.

Рейнар.

Имя легло между нами так, будто я обязана была что-нибудь почувствовать.

Ничего.

– А вы кто?

На этот раз её выдержка дала трещину.

Совсем маленькую.

– Майра Дорвен.

Фамилия совпадала.

– Мать Рейнара?

– Да.

Хорошо. Один пункт на схеме появился.

– Тогда, леди Дорвен, давайте с самого простого. Что именно сегодня должно произойти?

Она молчала дольше, чем требовал вопрос.

– Завершится ваш брак с моим сыном.

Так.

Станным образом это почти успокаивало.

Если я очнулась в чужом теле, чужом доме и чужом браке, то хотя бы одна проблема собиралась решить себя самостоятельно.

– Отлично.

Майра Дорвен впервые посмотрела на меня так, будто до этой секунды ещё допускала, что со мной всё в порядке.

– Что?

– Пусть завершается.

– Элиана.

– Я не знаю вашего сына.

– Вы прожили с ним шесть лет.

Вот теперь стало хуже.

Шесть лет отсутствовали в моей голове полностью.

Ни свадьбы.

Ни совместного дома.

Ни лица мужчины, которого здесь считали моим мужем.

Я заставила себя не смотреть на зеркало.

– Значит, у нас проблема серьёзнее развода.

– Вы опять утверждаете, что ничего не помните?

Слово «опять» мне не понравилось.

– Я утверждаю только то, в чём уверена. Сейчас я не знаю, кто вы, кто ваш сын и почему мои вещи стоят в сундуке.

Её взгляд скользнул к стене.

– Потому что после решения суда вы покинете дом Дорвенов.

– Куда?

– Это будет зависеть от дальнейшего разбирательства.

Вот теперь прозвучало слово, которое действительно заслуживало внимания.

– Какого разбирательства?

Ответить она не успела.

Дверь открылась второй раз.

Мужчина, вошедший в комнату, не был похож на человека, перед которым хотелось унижаться.

Не потому, что казался страшным.

Хуже.

Он выглядел как человек, привыкший, что после его решения окружающие переходят к исполнению.

Высокий. Широкоплечий. В тёмной одежде военного кроя без украшений, которые я смогла бы принять за декоративные.

Лицо спокойное.

Усталое.

Взгляд такой, каким обычно оценивают серьёзное повреждение: без ненависти, но с полной готовностью признать, что ремонт уже не имеет смысла.

Он посмотрел на Майру.

Потом на меня.

– Судья ждёт.

Голос был низким и ровным.

Рейнар Дорвен.

Мой, то есть совершенно не мой, муж.

Если прежняя хозяйка тела пыталась вести с этим человеком эмоциональные переговоры, стартовые условия у неё были так себе.

– Мне уже сообщили.

Его взгляд задержался на мне.

– Тогда почему вы ещё здесь?

Хороший вопрос.

Я встала.

Новое тело оказалось слабее моего прежнего. На секунду закружилась голова, но я удержалась.

– Потому что до сегодняшнего утра я, судя по всему, знала значительно больше.

– Элиана.

Одно имя.

Но предупреждение я слышала.

Я не знала, что именно ему надоело за последние недели. Требования? Объяснения? Попытки заставить его выслушать?

И не собиралась отвечать за чужие разговоры, которых не помнила.

– Давайте сэкономим время. Вы хотите расторгнуть брак?

Майра резко посмотрела на сына.

Рейнар глаз не отвёл.

– Да.

– Я могу помешать?

Несколько секунд тишины.

– Вы пытались.

Неприятно.

Не потому, что мне захотелось удержать его.

Просто за этой короткой фразой существовала другая женщина.

Элиана.

Она чего-то добивалась от мужчины передо мной и не добилась.

Что именно произошло между ними, я пока не знала.

Но продолжать её борьбу вслепую не собиралась.

– Теперь не пытаюсь.

Он молчал.

Я ожидала хотя бы облегчения.

Получила только короткую паузу.

– Что вы хотите взамен?

Вот и вся романтика шестилетнего брака.

– Пока? Информацию.

– О чём?

– Обо всём, что касается меня.

– Это не ответ.

– Тогда конкретнее. Почему я должна покинуть дом? Какое разбирательство продолжается после развода? В чём меня обвиняют? Кто принимает решения? Какие документы я имею право увидеть?

Майра медленно выдохнула.

Рейнар стал смотреть на меня иначе.

Не мягче.

Внимательнее.

– Вы знаете обвинение.

– Нет.

– Хватит.

Первое резкое слово.

Я встретила его взгляд.

– Я не прошу вас верить мне. Просто назовите его.

Что-то изменилось в его лице.

Настолько мало, что я могла ошибиться.

– Передача защищённых сведений Тарнской Лиге.

Название ничего мне не говорило.

Смысл фразы был предельно ясен.

– Противнику?

– Да.

– Это государственная измена?

– Да.

В комнате стало очень тихо.

Чужое тело.

Чужой муж.

Чужой развод.
И чужая государственная измена.
Насыщенное утро.
Я посмотрела на Рейнара.
– Какие доказательства?
Он впервые откровенно не понял меня.
– Что?
– На основании чего меня обвиняют?
– Элиана.
– Вы уже несколько раз называли меня этим именем. Пока оно не помогло.
Майра тихо произнесла:
– Достаточно.
Я повернулась к ней.
– Для кого?
Она замолчала.
– Если сегодня суд решает мой брак, это одна проблема. Если после суда меня ждёт дело о государственной измене, это совсем другая. И я хотела бы знать, насколько глубока яма до того, как меня в неё окончательно толкнут.
– Вы видели доказательства, – сказал Рейнар.
– Значит, покажите ещё раз.
– Зачем?
– Потому что сейчас перед вами женщина, которая понятия не имеет, что в них написано.
Он смотрел на меня долго.
Я не знала, верит ли он хоть одному слову.
И это пока не имело значения.
– Вы хотели разговора, – сказал наконец Рейнар. – Ради этого?
– Нет. Разговор хотела женщина, которая проснулась здесь до меня.
Майра резко повернула голову.
Я поняла, что сказала лишнее.
Но отступить было поздно.
Рейнар стал неподвижнее.
– Что это значит?
– Пока не знаю.
Честный ответ оказался лучшим из доступных.
Я указала на сундук.
– Я очнулась несколько минут назад. Не узнала комнату. Не узнала леди Дорвен. Не знала вашего имени. Своё нынешнее лицо впервые увидела в зеркале.
Майра побледнела.
Рейнар не шелохнулся.
– И вы ожидаете, что я поверю?
– Нет.
– Тогда чего вы ожидаете?
Вот теперь вопрос был правильным.
– Что вы перестанете требовать от меня доказать то, чего я сама пока не понимаю, и дадите факты.
Он сделал шаг к столу.
Не ко мне.
К бумагам.
– Вы хотите увидеть материалы обвинения?

– Все.

– Почему?

Я посмотрела на человека, который уже однажды решил судьбу Элианы Вейр.

– Потому что вы свой вывод сделали. Теперь я хочу понять, из чего.

В коридоре за дверью слышались шаги.

Несколько человек.

Рейнар смотрел на меня ещё секунду, потом открыл дверь.

– Внесите.

Двое служащих появились на пороге с тяжёлым ящиком для документов.

Они поставили его на стол.

На крышке была печать, значения которой я не знала.

Ниже находилась табличка.

Имя я уже могла прочесть без помощи.

«Леди Элиана Вейр».

Под ним стояли ещё три слова.

«Передача сведений противнику».

Я коснулась пальцами края ящика.

– Я не буду просить вас меня оставить, Рейнар.

Он замер.

Впервые я произнесла его имя вслух.

– Но прежде чем кто-нибудь решит, что делать со мной дальше, я прочитаю каждую бумагу, на основании которой вы уже решили, кто такая Элиана Вейр.

В его лице ничего не смягчилось.

– Хорошо.

Я посмотрела на запечатанный ящик.

Я ещё ничего не знала об Астеране, Тарнской Лиге, доме Дорвенов и женщине, чьими руками сейчас касалась чужого обвинения.

Но уже знала, с чего начну.

С того, что здесь считали доказанным.

Глава 2. Доказательства против меня

Ящик оказался тяжелее, чем выглядел.

Рейнар откинул два металлических фиксатора, но крышку не поднял.

– Вы уверены?

– Нет.

Он посмотрел на меня.

– Тогда зачем?

– Потому что отсутствие уверенности обычно лечится информацией.

Майра Дорвен осталась у окна. Судя по выражению её лица, в доме Дорвенов существовали болезни, которые информацией лечить не полагалось.

Я потянула крышку на себя.

Внутри лежали папки.

Много.

Слишком много для приятной версии событий, где несчастную женщину оболгали три завистницы и один особенно мерзкий сосед.

На верхней папке значилось моё нынешнее имя.

«Элиана Вейр».

Ниже – номер дела и ещё одна строка, которую я уже видела на крышке ящика.

Передача сведений противнику.

– С чего начать?

– Вы хотели увидеть всё.

– Это не ответ.

Рейнар протянул руку и вынул тонкую папку с тёмной застёжкой.

– С пакета.

Он положил её передо мной.

Внутри оказался не сам пакет, а несколько листов с аккуратными пометками и вложенный между ними плотный конверт.

Угол конверта пересекала сложная тёмная метка.

Я наклонилась ближе.

Печать выглядела не как сургуч. Тонкие линии будто находились внутри бумаги и меняли оттенок, стоило смотреть под другим углом.

Магия.

Первое настоящее свидетельство того, что утром я проснулась не просто в чужой спальне.

Я не прикоснулась.

– Это моя?

– Ваша личная печать, – сказал Рейнар.

– Насколько легко её подделать?

– Настолько, что никто из участвовавших в расследовании не начинал с этой версии.

– Очень содержательно.

Он не отреагировал.

– Печать сверяли трижды.

– Кто?

– Специалист дома. Поверитель Совета Печатей. Независимый специалист по запросу Пограничного суда.

Три проверки.

Я посмотрела на конверт ещё раз.

– И все трое решили, что печать настоящая?

– Они не решали.

Вот эта формулировка мне понравилась меньше предыдущих.

– А что они делали?

– Проверяли структуру.

– Объясните так, будто я ничего не знаю.

Майра отвернулась от окна.

Рейнар медленно перевёл взгляд на меня.

Я уже начинала узнавать эту паузу. Он решал не что ответить, а верит ли, что вопрос вообще задаётся всерьёз.

– Личная печать связывается с магическим следом человека, – произнёс он наконец. – Она подтверждает, кто наложил её на защищённую область документа.

– Подтверждает содержание?

– Нет.

– Намерение?

– Нет.

– Что человек понимал, когда ставил печать?

– Нет.

Я кивнула.

Вот это уже было полезно.

– Значит, она подтверждает действие.

– Да.

– Но не объясняет его.

Рейнар ничего не сказал.

Я открыла первый лист.

Буквы выглядели непривычно, но читались. Не сразу, с лёгким ощущением, что глаза знают больше головы. Я старалась не думать об этом слишком долго.

Текст оказался хуже печати.

В нём перечислялись сведения о защитных участках Северного рубежа. Не полная схема, насколько я могла понять из пояснений на полях, но достаточно конкретные данные: нагрузки, интервалы проверки, отдельные уязвимые точки.

– Это было внутри пакета?

– Да.

– Секретные сведения?

– Да.

– К которым Элиана имела доступ?

– Имела.

Я посмотрела на него поверх листа.

– И не должна была выносить их за пределы дома?

– Без установленной процедуры – нет.

Первый настоящий удар.

Не обвинение.

Факт.

Элиана действительно сделала что-то, чего делать не имела права.

Я перевернула страницу.

Следующий документ содержал описание обнаружения пакета.

Место ничего мне не говорило.

Зато рядом с ним стояло название, которое уже прозвучало сегодня.

Тарнская Лига.

– Покажите на карте.

Рейнар не спросил зачем. Взял со стола сложенный лист, развернул.

Карта Астерана была первой картой в моей жизни, на которой я не узнавала вообще ничего.

Рейнар указал северную границу.

– Здесь.

– А пакет нашли где?

Палец сместился.

Не за границей.

Но достаточно близко.

– В грузе торгового посредника, работавшего с тарнскими контрагентами, – сказал он.

– То есть пакет не нашли в руках вражеского разведчика.

Майра резко произнесла:

– Не пытайтесь играть словами.

Я посмотрела на неё.

– Я пытаюсь понять, что именно произошло.

– Это происходит уже несколько недель.

– Для вас. Для меня – несколько минут.

Она побледнела, но промолчала.

Я снова посмотрела на карту.

– Значит, пакет с секретными сведениями и моей печатью оказался в грузе, связанном с Тарнской Лигой.

– Да, – ответил Рейнар.

– Это выглядит плохо.

– Вы удивлены?

– Я стараюсь не тратить силы на удивление, когда можно читать дальше.

Следующая папка была толще.

Свидетели.

Мне понадобилось меньше минуты, чтобы заметить первое имя, повторявшееся несколько раз.

Тален Рош.

Командир личной охраны Рейнара, если верить должности под подписью.

Он видел Элиану во время встречи с человеком, связанным с курьерской службой.

Встреча не была заявлена официально.

Через несколько дней тот же человек покинул территорию Дорвенов.

В другом свидетельстве говорилось ещё о нескольких встречах.

Скрытых.

Неучтённых.

Без сопровождения.

– Она действительно встречалась с ними?

– Да.

– Откуда вы знаете?

– Часть встреч видели мои люди.

– А остальные?

– Есть показания.

Я перелистнула дальше.

Некоторые страницы были копиями.

Некоторые – короткими выписками.

На каждой стояли отметки, значение которых я пока не понимала.

– Где полные показания?

– В деле.
– Это разве не дело?
– Это материалы, подготовленные для моего рассмотрения.
Я перестала листать.
Посмотрела на него.
Потом снова на папку.
– То есть это выборка.
Майра нахмурилась.
– Это достаточный объём.
– Я не спросила, достаточный ли он. Я спросила, выборка ли это.
Рейнар ответил первым:
– Да.
Наконец-то.
Что-то, за что можно было зацепиться.
Не доказательство невиновности.
Даже не противоречие.
Просто устройство информации.
Мне показывали не всё произошедшее.
Мне показывали то, что кто-то счёл важным для вывода.
– Кто её готовил?
– Материалы собирались из нескольких источников.
– Кто решал, что войдёт сюда?
– Совет Печатей предоставил часть выписок. Военная служба – отчёты. Дом – внутренние документы.
– А кто собирал финальную папку?
Рейнар задержал взгляд на мне.
– Это имеет значение?
– Если мне дают двадцать фактов из двухсот и предлагают поверить в вывод, я хочу знать, кто выбрал двадцать.
– Вы считаете, что материалы подобраны против вас?
– Я пока ничего не считаю. У меня недостаточно данных.
Он слегка изменился в лице.
Не смягчился.
Скорее ожидал другой фразы.
Наверное, Элиана раньше говорила: «Я невиновна».
Я этого сказать не могла.
Возможно, она действительно была невиновна.
Возможно, нет.
Чужое тело не шло в комплекте с моральным сертификатом прежней владелицы.
Я открыла следующую папку.
Там были отчёты о повреждениях Северного рубежа.
Цифры.
Схемы.
Периоды.
Некоторые события происходили вскоре после встреч Элианы.
Некоторые сведения из пакета совпадали с участками, на которых позже возникали проблемы.
Я не понимала местную магию настолько, чтобы проверить техническую часть.
Но причинная линия была видна даже мне.

Секретные сведения.

Тайные встречи.

Пакет.

Маршрут на север.

Проблемы на тех участках, сведения о которых находились в пакете.

Если бы такое легло мне на стол в прежней жизни, я бы как минимум отстранила человека от проекта до выяснения.

Очень неприятное открытие.

Рейнар наблюдал за мной молча.

– Что?

– Ничего.

– Вы ждёте, когда я скажу, что это всё очевидная подделка?

– Возможно.

– Не дождётесь.

Его брови слегка сошлись.

– Почему?

Я закрыла папку.

– Потому что я пока не вижу подделки.

Майра выпрямилась.

Рейнар остался неподвижным.

– Печать настоящая, – продолжила я. – Пакет существовал. Сведения секретные. Встречи были. Маршрут был. Повреждения тоже были.

Произносить это вслух оказалось неприятнее, чем читать.

– Тогда вы понимаете, почему было принято решение, – сказала Майра.

Я посмотрела на неё.

– Я понимаю, почему возникло подозрение.

– Этого достаточно.

– Нет.

Она поджала губы.

– Для отстранения от доступа, возможно. Для проверки – точно. Для того, чтобы я сама назвала Элиану предательницей, недостаточно.

– Вы говорите о себе в третьем лице.

– Потому что я не помню ни одного из этих действий.

Рейнар перевёл взгляд на папки.

– Но тело ваше.

– Судя по зеркалу, да.

– Печать ваша.

– Вот это мы ещё проверим.

Он посмотрел на меня резко.

– Вы только что признали её подлинность.

– Я признала, что три специалиста назвали её подлинной. Это не то же самое, что увидеть проверку самой.

В комнате стало очень тихо.

Я снова коснулась конверта.

– Можете проверить её сейчас?

Майра произнесла:

– Элиана, это уже унинительно.

– Для кого?

Она не ответила.

Рейнар закрыл ящик, оставив конверт на столе.

– Можно.

Он подошёл к двери и коротко приказал вызвать поверителя.

Никаких повышенных голосов.

Никаких угроз.

Но через несколько минут в комнате уже стоял пожилой мужчина с плоской металлической рамкой и таким выражением лица, будто его выдернули из очень важной работы и он намерен наказать нас исключительно профессиональной точностью.

Он не задавал вопросов.

Положил рамку поверх печати.

По тонким линиям прошёл серебристый свет.

Потом поверитель посмотрел на меня.

– Ладонь, леди Вейр.

Я положила руку туда, куда он указал.

Металл под пальцами мгновенно потеплел.

Свет в печати стал ярче.

Одна линия.

Вторая.

Третья.

Все сошлись в центре.

Поверитель убрал рамку.

– Совпадение полное.

Я медленно сняла руку.

– Что именно совпало?

– Личный след.

– Ошибка возможна?

Мужчина нахмурился.

– В пределах исправной матрицы – нет.

– То есть эту печать поставило это тело.

Он посмотрел на меня так, будто никогда прежде не слышал настолько странного способа сформулировать очевидное.

– Да, миледи.

Я кивнула.

Ладонь всё ещё помнила тепло металла.

Вот и всё.

Самая удобная версия умерла, не успев толком родиться.

Элиану не подставили дешёвой фальшивкой.

Кто-то не нарисовал её подпись.

Не скопировал печать.

Не подсунул чужой пакет.

Женщина, в чьём теле я проснулась, действительно запечатала секретные сведения собственной магией.

Я посмотрела на Рейнара.

Он не торжествовал.

Почему-то от этого стало только хуже.

Я перевела взгляд на ящик с документами.

Теперь вопрос звучал иначе.

Не «подделали ли доказательства?».

А «что, чёрт возьми, Элиана на самом деле делала?»

Глава 3. Развод и тревога

Судья ждал нас в соседней комнате.

По его лицу было видно, что ждать он не любит, семейные драмы не уважает, а богатые люди, которые заставляют закон сидеть под дверью, не вызывают у него священного трепета.

Мне он сразу понравился.

На столе лежали три документа. Ни цветов, ни торжественных лент, ни попытки сделать вид, что расторжение шестилетнего брака является чем-то более красивым, чем прекращение договора между двумя людьми.

Майра осталась у двери.

Рейнар встал напротив меня.

Судья посмотрел сначала на него, потом на меня.

– Леди Элиана Вейр, перед началом процедуры я обязан спросить, способны ли вы понимать смысл происходящего и выражать собственную волю.

После сегодняшнего утра вопрос звучал почти издевательски.

– Способна.

– Мне сообщили о необычном поведении и жалобах на память.

Я медленно повернула голову к Рейнару.

Он не отвёл глаз.

Разумно.

Если женщина за несколько минут забыла мужа, свекровь, государственное устройство и собственную измену, сообщить об этом судье было скорее обязанностью, чем предательством.

– Жалобы на память есть, – сказала я. – Проблем с пониманием вопроса нет.

Судья сложил руки перед собой.

– Назовите своё имя.

Я могла бы ответить: Марина Орлова.

И дальше посмотреть, насколько быстро в Астеране умеют доставлять людей к лекарю.

Но юридически перед этим человеком сидела не Марина.

Пока мне приходилось работать с тем, что было.

– Элиана Вейр.

Чужое имя уже не царапнуло так сильно, как утром.

Это тоже немного пугало.

– Ваш возраст?

Вот тут возникла проблема.

Я посмотрела на судью.

– Тридцать?

Майра закрыла глаза.

Рейнар остался неподвижным.

Судья поднял бровь.

– Это вопрос?

– Скорее просьба подтвердить.

– Вам тридцать лет.

– Тогда тридцать.

Он взял перо, сделал короткую запись.

– Имя супруга?

– Рейнар Дорвен.

– Продолжительность брака?

Я помолчала.

– Шесть лет. Мне сообщили.
Теперь судья отложил перо.
– Леди Вейр, вы понимаете, что сегодняшний документ прекращает ваш брак с лордом Дорвеном?
– Да.
– Что после регистрации вы утратите права представлять дом Дорвенов как супруга его главы?
– Да.
– Что положения, связанные с расследованием государственной измены, этим решением не отменяются?
– К сожалению, эту часть я тоже понимаю.
Судья бросил на меня быстрый взгляд.
– Что ваше личное имущество остаётся вашим, за исключением предметов и средств, отдельно ограниченных в рамках действующего расследования?
Вот здесь я заинтересовалась сильнее.
– Насколько отдельно?
Рейнар едва заметно напрягся.
Я не смотрела на него.
– Это вопрос не брачного производства, – ответил судья.
– Значит, после развода я могу оспаривать эти ограничения независимо от бывшего мужа?
– Да.
Хорошо.
Первый полезный факт за последние несколько часов, который не относился к государственной измене.
Я кивнула.
– Продолжайте.
Судья повернулся к Рейнару.
С ним процедура заняла меньше минуты.
Он знал собственный возраст.
Помнил, сколько лет был женат.
Понимал последствия.
Даже немного завидно.
Потом судья вернулся ко мне.
– Леди Вейр, ранее в материалах указано, что вы возражали против расторжения брака и требовали личной встречи с супругом до принятия окончательного решения.
– Мне об этом сказали.
– Вы подтверждаете прежнее возражение?
Рейнар смотрел на меня.
Майра тоже.
Даже человек у двери, который до этого изображал особенно качественную мебель, перестал изображать мебель.
Понятно.
Вот ради этого все и ждали.
Прежняя Элиана хотела разговора.
Возможно, объясниться.
Возможно, убедить.
Возможно, просто услышать от мужа в лицо, что он поверил бумагам больше, чем ей.
Я не знала.

И именно поэтому не могла продолжать её просьбу.

– Нет.

Судья слегка нахмурился.

– Уточните.

– Я больше не возражаю против расторжения брака.

Тишина.

Рейнар не шелохнулся, но что-то в его лице стало жёстче.

Странно.

Он хотел развода.

Я согласилась.

Казалось бы, идеальный рабочий процесс.

– Вы принимаете решение добровольно? – спросил судья.

– Да.

– Лорд Дорвен не ставил вам новых условий?

Я посмотрела на Рейнара.

– Нет.

– Вам не угрожали?

– Сегодня конкретно из-за развода – нет.

Майра чуть повернула голову.

Судья сделал ещё одну запись.

– Тогда я обязан спросить последний раз. Вы желаете сохранить этот брак?

Нет.

Ответ пришёл слишком легко для женщины, которая прожила в нём шесть лет.

Но я не прожила.

Я смотрела на мужчину напротив и не знала, как он смеялся, если вообще смеялся. Что любил есть. Как выглядел сонным. Каким был в первые месяцы брака. Говорил ли Элиане нежные вещи до того, как перестал верить её словам.

Ничего.

У меня были только его холодное лицо, ящик с доказательствами и факт, который особенно трудно было проигнорировать:

когда Элиана оказалась под обвинением, Рейнар выбрал сторону обвинения.

Возможно, у него были причины.

Я только что своими глазами увидела, насколько веские.

Но причины не делали этот брак моим.

– Нет, – сказала я.

Рейнар моргнул.

Единственная реакция.

Судья пододвинул документ.

– Тогда подтвердите решение.

На нижнем поле находилась тонкая металлическая рамка.

Я посмотрела на неё.

– Что нужно сделать?

На этот раз даже судья не сумел скрыть удивления.

– Наложить личное подтверждение.

Очень информативно.

Я протянула руку осторожно.

И тут случилось кое-что неприятное.

Пальцы сами легли куда нужно.

Не воспоминание.

Не голос в голове.
Просто движение, которое тело знало лучше меня.
Большой палец коснулся одного угла рамки, указательный – другого.
По металлу прошла тонкая светлая линия.
Я едва не отдернула руку.
Удержалась.
Свет собрался под ладонью и погас.
На бумаге остался сложный знак, похожий на тот, который я видела на пакете.
Моя печать.
Точнее, печать Элианы.
Тело помнило то, чего не помнила я.
Добавим к списку проблем.
Рейнар подтвердил документ следом.
Его знак отличался. Строже, темнее, линии образовали геометрический рисунок и замкнулись почти мгновенно.
Судья проверил обе отметки и поставил собственную.
– Брак между Элианой Вейр и Рейнаром Дорвеном расторгнут.
Вот так.
Шесть лет закончились одной фразой.
Я ждала хотя бы облегчения.
Оно пришло.
Тихое и очень практичное.
Теперь я не была женой совершенно незнакомого мужчины.
Уже неплохо.
– Когда я обязана покинуть дом? – спросила я.
Рейнар перевёл на меня взгляд.
Судья ответил:
– Брачное решение не обязывает вас находиться здесь.
Ещё лучше.
– То есть я могу уйти сегодня?
– Если иные ограничения расследования этого не запрещают.
– Запрещают?
Рейнар ответил раньше судьи:
– Нет.
Я посмотрела на него.
– Прекрасно.
Впервые за день у меня появился план, не включавший государственную измену.
Найти место, где можно закрыть дверь.
Разобраться с деньгами.
Получить полные документы.
Понять, куда я вообще попала.
А потом решить, что делать с жизнью женщины, которой больше не было рядом, чтобы объяснить хоть что-нибудь.
Я повернулась к судье.
– Мне понадобится копия решения.
– Будет передана вам сегодня.
– И перечень всех ограничений по моему имуществу.
– Это отдельный запрос.
– Значит, сделаю отдельный.

На лице Рейнара появилось выражение, которое я уже начинала узнавать.
Он пересчитывал неожиданности.

Не успел.

Первый удар прозвучал откуда-то из глубины дома.

Низкий.

Металлический.

По столу прошла едва заметная дрожь.

Судья резко поднял голову.

Второй удар оказался длиннее.

Майра побледнела.

А Рейнар уже двигался к двери.

Никаких вопросов.

Никакого замешательства.

За несколько секунд мужчина, с которым я только что развелась, стал совершенно другим человеком.

– Тален!

Дверь распахнулась прежде, чем он дошёл до неё.

На пороге появился мужчина в военной форме.

– Северный участок, – коротко сказал он. – Сигнал потерян на двух узлах. Третий держится с перебоями.

– Время?

– Первый провал меньше минуты назад.

– Люди?

– Гарнизон получил предупреждение. Подтверждения с дальнего поста ещё нет.

Рейнар уже отдавал распоряжения.

Короткие.

Без повторов.

Двое людей исчезли из коридора почти бегом.

Майра подошла к окну, где на каменной раме проступили тонкие светящиеся линии.

Я смотрела на них, ничего не понимая.

– Что происходит?

Никто не ответил.

– Я всё ещё здесь.

Тален бросил на меня быстрый взгляд.

Не презрение.

Оценка.

– Контур Северного рубежа дал аварийный сигнал.

– Что такое контур?

Теперь посмотрели все.

Отлично.

Новый вопрос, который Элиана наверняка не должна была задавать.

Рейнар повернулся ко мне.

– Защитная система.

– От чего?

– От проникновения. Разведки. Часть узлов контролирует проходы и предупреждает гарнизоны.

Я посмотрела на светящиеся линии.

– И что значит потеря двух узлов?

– Что мы не видим участок рубежа так, как должны.

Это прозвучало достаточно понятно.

– Что вы собираетесь делать?

– Восстанавливать.

Тален уже протягивал ему металлический футляр.

Рейнар открыл.

Внутри лежала пластина с рисунком, похожим на печать, только значительно сложнее.

Свет на ней дёргался, словно дыхание человека с высокой температурой.

– Первый ключ отвечает, – сказал Тален.

– Я вижу.

– Второй нет.

Рейнар замер.

Совсем ненадолго.

– Повторить вызов.

Тален коснулся края пластины.

Линии вспыхнули.

И в этот же миг что-то обожгло мою ладонь.

Ту самую, которой я недавно подтвердила развод.

Я резко вдохнула.

По коже проступил тонкий светлый рисунок.

Тален выругался.

Майра отступила от окна.

А Рейнар посмотрел на мою руку.

Потом на меня.

– Что это?

Я подняла ладонь.

– Если вы сейчас скажете, что это нормально, я вам не поверю.

Никто не улыбнулся.

Тален первым нарушил молчание:

– Второй ключ ответил.

Я посмотрела на пластину в его руках.

Потом на свет под собственной кожей.

– Кто такой второй ключ?

Рейнар подошёл ближе.

Не ко мне.

К моей руке.

Остановился прежде, чем коснуться.

– Элиана.

Я медленно подняла глаза.

– То есть я?

– Ваше тело, – сказал он.

Очень точная формулировка для человека, который ещё утром считал мои провалы памяти спектаклем.

Из коридора донёсся третий удар тревоги.

На этот раз свет в пластине почти погас.

Тален резко произнёс:

– Нам нужны оба ключа сейчас.

Я посмотрела на документ о разводе.

Чернила судьбы ещё не успели окончательно потемнеть.

Потом на дверь.

За которой стоял мой собранный сундук и должна была начинаться первая свободная ночь в этом мире.

И снова на ладонь.

Прекрасно.

От мужа я избавилась.

От его дракона, его дома и его проблем, похоже, нет.

– Подождите, – сказала я. – Что значит «оба»?

Рейнар встретил мой взгляд.

– Первый ключ – я.

– Почему?

Тален ответил за него:

– Потому что первый ключ держит дракон дома.

Я посмотрела на Рейнара.

На абсолютно человеческое лицо.

На человеческие руки.

– Вы дракон?

– Да.

Почему-то именно сейчас эта информация уже даже не удивила.

Видимо, у психики тоже существовал лимит на рабочий день.

– А я, значит, второй ключ.

– Да.

– И без меня вы не можете восстановить этот контур?

Рейнар не стал смягчать ответ.

– Не сейчас.

В коридоре раздался чей-то крик:

– Лорд Дорвен! Третий узел падает!

Рейнар повернулся к двери.

Потом снова ко мне.

Утром окружающие ждали, что я стану просить его позволить мне остаться.

Вечером всё получилось значительно интереснее.

Теперь остаться просить придётся ему.

Глава 4. Под защитой бывшего

К утру я выяснила две вещи.

Первая: в Астеране можно развестись с мужчиной за несколько минут.

Вторая: избавиться от его защитного контура значительно сложнее.

Ночью мне всё-таки не пришлось спасать Северный рубеж неизвестным способом и желательно без инструкции. Рейнар с Таленом ушли сразу после тревоги, а меня оставили в комнате с Майрой, судьёй и светящимся рисунком на ладони.

Через полчаса пришло сообщение: аварийный участок изолировали первым ключом, дальний пост ответил, люди живы.

Но два узла так и не вернулись в нормальный режим.

Для полной проверки требовался второй ключ.

То есть тело женщины, с которой Рейнар развёлся примерно за десять минут до того, как система решила напомнить ему о семейных ценностях.

Спала я плохо.

Не из-за дракона.

К драконам психика почему-то отнеслась практичнее, чем к чужому лицу в зеркале.

Плохо было от другого.

У меня снова появился выбор, который очень старательно пытался выглядеть не выбором.

Утром в дверь постучали.

Я сидела за маленьким столом и изучала копию решения о разводе. Бумага нравилась мне всё больше. В ней имелось редкое для этого мира достоинство: она хотя бы ясно сообщала, что именно изменилось.

– Войдите.

Дверь открылась.

Рейнар остановился на пороге.

Не вошёл.

Я подняла глаза.

Вчера он входил без приглашения.

Сегодня ждал.

Мелочь.

Я всё равно заметила.

– Можно?

– Если это не новый способ сообщить, что я принадлежу вашему защитному сооружению.

– Не принадлежите.

– Уже лучше. Входите.

Он вошёл и закрыл дверь.

Выглядел так, будто ночь провёл примерно нигде. На воротнике тёмной куртки осталась тонкая серая полоса, под глазами появилась усталость, но движения были такими же точными.

– Узлы?

– Изолированы.

– Это хорошо?

– Это значит, что сбой не распространяется.

– А плохо?

– Мы не знаем причину. И не можем безопасно проверить критическую часть контура без второго ключа.

Вот оно.

Я положила документ о разводе на стол.

– Поэтому вы пришли.

– Да.

– Просить меня остаться?

Пауза.

– Предложить вам временно остаться под защитой дома Дорвенов.

Я засмеялась.

Не потому, что было смешно.

– Нет.

Его лицо стало жёстче.

– Вы ещё не слышали условия.

– Я слышала формулировку.

– Какая именно вас не устраивает?

– «Под защитой дома Дорвенов».

– Здесь безопаснее, чем за его пределами.

– Для кого?

– Для вас.

– Вчера этот же дом собирался выставить меня с сундуком.

– Вчера ситуация была другой.

– Именно. Вчера я была подозреваемой бывшей женой, которую вы хотели убрать из дома. Сегодня выяснилось, что я полезна вашей магии, и внезапно мне лучше остаться под вашей защитой.

Он молчал.

Я откинулась на спинку стула.

– Видите проблему?

– Вы считаете, что я пытаюсь использовать зависимость.

– Я пока считаю только то, что слышу.

Эта фраза ему не понравилась.

Хорошо.

Мне вчера не понравилась государственная измена.

У каждого свои трудности.

– Контур не мой личный инструмент, – сказал Рейнар. – Он защищает Северный рубеж.

– Я поняла.

– Если второй ключ исчезнет до диагностики...

– Я не собираюсь исчезать.

– Вы вчера собирались уехать.

– Я собиралась переехать из вашего дома. Это не одно и то же.

Он посмотрел на меня внимательнее.

– Куда?

Прекрасный вопрос.

Ответа у меня не было.

Собственного дома я не помнила.

Сколько у Элианы денег, не знала.

Какая часть имущества заморожена, тоже.

Даже дорогу до ближайшего приличного места я могла узнать только у людей, которые называли меня предательницей.

Очень независимое положение.

Но отсутствие готового адреса не превращало дом бывшего мужа в единственный вариант.

– Это моя проблема.

– Пока вы второй ключ стратегического контура, не только ваша.

Вот теперь стало по-настоящему интересно.

– Нет.

Он чуть нахмурился.

– Что?

– Не делайте так.

– Как?

– Не превращайте ответственность за рубеж в право решать, где я должна жить.

Тишина.

У Рейнара был тот редкий талант молчать так, что другие люди начинали объяснять себя подробнее.

На мне талант работал плохо.

– Я не отказываюсь помочь, – сказала я. – Я отказываюсь снова становиться частью вашего дома только потому, что это удобно.

– Удобно?

– Для вас.

– Ничего в этой ситуации не удобно.

– Тогда тем более не называйте это защитой.

Он прошёл к окну, но не приблизился к моему столу.

– Хорошо. Как вы это называете?

Я немного подумала.

– Работой.

Он повернулся.

– Работой?

– Временной. Ограниченной. С понятным объёмом обязанностей.

– Вы не знаете, как работает контур.

– Поэтому не обещаю его чинить.

– Ваше тело является вторым ключом.

– Моё тело вчера подтвердило печать, которая отправила секретные сведения неизвестно куда. Я бы пока не строила долгосрочные планы на его компетентности.

На этот раз в его взгляде промелькнуло что-то почти человеческое.

Почти.

– Что вы предлагаете?

Вот это был уже правильный вопрос.

– Сначала объясните, можно ли заменить второй ключ.

Он ответил не сразу.

– Можно.

Я выпрямилась.

– Тогда почему мы вообще разговариваем о моём проживании здесь?

– Потому что замена не делается за один день.

– Сколько?

– При нормальных условиях несколько недель подготовки и проверок.

Несколько недель.

Я мысленно отложила надежду уйти сегодня в отдельную коробку с надписью «неприятно, но переживаемо».

– А при ненормальных?

– Сейчас контур повреждён. Если начать аварийную замену до того, как мы поймём характер сбоя, можно стереть часть остаточных следов и ослабить несколько участков.

– Люди пострадают?

– Могут.

Не «да».

Не попытка напугать.

Просто факт.

Это было хуже.

Я посмотрела на собственную ладонь. Света уже не было.

– То есть я могу отказаться.

Рейнар ответил сразу:

– Да.

Я подняла голову.

– И вы меня отпустите?

Его челюсть едва заметно напряглась.

– Вы больше не моя жена.

Точно.

Холодно.

Неприятно.

И всё-таки именно этот ответ мне был нужен.

– Хорошо.

– Но я обязан предупредить о последствиях.

– Предупреждайте. Не приказывайте.

Он выдержал мой взгляд.

– Если вы откажетесь от участия сейчас, мы проведём аварийную замену. Защита рубежа временно ослабнет. Часть информации о природе нынешнего повреждения, вероятно, будет потеряна.

– Вероятно?

– Да.

– Значит, вы не можете обещать, что катастрофа случится.

– Нет.

– И не можете обещать, что не случится.

– Нет.

Наконец-то разговор двух взрослых людей.

От этого легче не стало.

Я встала и подошла к окну.

Вчера я хотела только уйти.

Желание никуда не делось.

Но теперь между мной и дверью стояли не Рейнар и не магическая цепь.

Там стояли люди, которых я никогда не видела.

И ещё кое-что.

Следы.

Если сбой контура был связан с тем, за что обвинили Элиану, уничтожить их сейчас означало добровольно выбросить единственное, что могло когда-нибудь объяснить, почему её настоящая печать оказалась на настоящем пакете с настоящими секретами.

Очень неудачное совпадение моих интересов с интересами бывшего мужа.

Я повернулась.

– Я согласна обсуждать временное сотрудничество.

Рейнар едва заметно выдохнул.

– Хорошо.

– Я не закончила.

Конечно, он это понял.

– Я не возвращаюсь к вам как жена. Не становлюсь членом вашего дома. Не нахожусь «под вашей защитой» в смысле, который позволяет вам решать за меня. Моя помощь контуру не даёт вам никаких прав, которых у вас не было после развода.

– Я не утверждал обратного.

– Прекрасно. Значит, записать это будет легко.

Его взгляд стал холоднее.

– Записать?

– Разумеется.

– Вы хотите договор.

– Я хочу, чтобы завтра никто не обнаружил новый смысл сегодняшнего разговора.

Несколько секунд он смотрел на меня.

Вчера я просила документы.

Сегодня собиралась просить договор.

Если так пойдёт дальше, к концу недели я организую здесь отдел внутреннего контроля.

– Какие условия? – спросил Рейнар.

Я улыбнулась.

Совсем немного.

– Вот теперь можно разговаривать.

Глава 5. Условия бывшей

Рейнар прислал за мной человека через час.

Не служанку.

Не охранника.

Писца.

Это я оценила.

Молодой мужчина с папкой под мышкой остановился у двери, поклонился и сообщил:

– Лорд Дорвен готов обсудить условия временного соглашения.

– Как быстро он учится.

Писец благоразумно сделал вид, что не услышал.

Переговоры проходили не в спальне, не в гостиной и даже не в кабинете Рейнара.

Нас посадили в небольшой комнате с длинным столом, чернильницей и двумя одинаковыми стульями напротив друг друга.

Нейтральная территория.

Возможно, случайность.

Я всё равно записала её Рейнару в маленький внутренний плюс.

Сам он уже ждал.

Перед ним лежал лист.

– Это проект? – спросила я.

– Черновик.

– Покажите.

Он подвинул бумагу.

Я села и начала читать.

Текст был составлен красиво.

Настолько красиво, что мне сразу стало тревожно.

«Леди Элиана Вейр временно сохраняет проживание в резиденции дома Дорвен до завершения первичной диагностики защитного контура и обязуется участвовать в необходимых действиях по требованию первого ключа...»

Я остановилась.

Подняла глаза.

– Нет.

– Вы прочитали одну треть.

– Первой достаточно.

– Что именно?

Я постучала пальцем по строке.

– «По требованию первого ключа».

– Без вашего присутствия часть работ невозможна.

– Тогда пишем «по предварительному согласованию времени и объёма участия».

Рейнар посмотрел на меня.

– При аварии предварительное согласование может быть невозможно.

– Тогда отдельно прописываем аварийный случай.

– Определение аварии займёт половину страницы.

– Прекрасно. Бумаги у нас много.

Писец кашлянул.

Кажется, в доме Дорвенов бумагу обычно не использовали как оружие против главы рода.

– Элиана...

– Если вы опять собираетесь напомнить, что раньше я что-то делала иначе, сэкономьте время. Раньше я, судя по имеющимся материалам, ещё и секретные пакеты рассылала.

Он замолчал.

Я продолжила читать.

Следующий абзац оказался хуже.

«На период действия соглашения дом Дорвен обеспечивает безопасность леди Вейр и вправе устанавливать необходимые меры защиты...»

– Нет.

– Снова?

– Особенно снова.

– Вам действительно угрожает опасность.

– Возможно.

– Не возможно.

Я положила ладонь на лист.

– Тогда перечислите угрозы.

– Расследование государственной измены. Возможные лица, связанные с утечкой.

Неустановленная причина повреждения контура.

– Хорошо. Теперь перечислите, что именно означает «необходимые меры защиты».

Он молчал.

– Охрана?

– Да.

– Сопровождение?

– При необходимости.

– Запрет покидать дом?

– В определённых обстоятельствах.

Вот и приехали.

– Нет.

– Если появится подтверждённая угроза...

– Тогда вы сообщаете мне о ней.

– И если вы всё равно решаете выйти?

– Это моё решение.

Его взгляд стал темнее.

– Вы можете подвергнуть опасности второй ключ.

– Вы опять подменяете понятия.

– Какие?

– Риск для контура и право распоряжаться мной.

Я наклонилась вперёд.

– Если моя смерть действительно создаст непосредственную угрозу людям, это должно быть доказано специалистом, а не определено вашим настроением. Если речь идёт о моём удобстве или вашей тревоге, решение остаётся моим.

– Моём настроении?

– Я вас знаю меньше суток. Мне нужен договор, который работает даже в день, когда вы на меня злитесь.

Писец опустил голову к черновику.

Очень разумный молодой человек.

Рейнар медленно произнёс:

– Хорошо. Ограничения передвижения только при подтверждённой непосредственной угрозе контуру или жизни людей.

– Независимым специалистом.

– Если специалист доступен.
– Рейнар.
Он посмотрел на меня.
– Не начинайте строить исключения раньше правила.
Несколько секунд мы молчали.
– Запишите, – сказал он писцу. – Любое ограничение требует конкретного основания, указанного письменно. В экстренной ситуации основание фиксируется сразу после устранения непосредственной угрозы.
Я чуть откинулась назад.
Это было уже похоже на договор.
– Дальше.
Следующий пункт касался проживания.
Мне выделялась прежняя супружеская часть дома.
– Нет.
Теперь Рейнар даже не спросил.
– Почему?
– Потому что я не собираюсь жить в комнатах вашей бывшей жены.
– Они были вашими.
– Именно поэтому.
Он замер.
Писец тоже.
Я поняла, что сказала больше, чем хотела.
Но отступить было поздно.
– Мне нужны отдельные помещения, не связанные с вашими личными комнатами. С дверью, которая закрывается изнутри.
– Любая дверь здесь закрывается.
– И никто не входит без разрешения.
– Слуги должны убирать.
– После разрешения.
– Охрана...
– Не входит.
– При тревоге?
– Стучит.
– При пожаре?
– Ломает дверь и получает мою благодарность.
В уголке его рта что-то дрогнуло и исчезло.
– Хорошо.
Я посмотрела на писца.
– Это тоже запишите.
Он записывал уже очень быстро.
Дальше пошли деньги.
И вот тут выяснилось, что настоящая свобода всегда почему-то начинается с бухгалтерии.
Часть средств Элианы была ограничена в рамках расследования.
Не всё.
Но достаточно, чтобы я не могла просто взять деньги и исчезнуть.
– Я хочу полный перечень моего имущества, – сказала я. – Что свободно, что ограничено, кем, на каком основании и на какой срок.
– Это займёт время.
– Значит, запрос нужно сделать сегодня.

- На текущие расходы дом предоставит вам средства.
- Нет.

Рейнар посмотрел на меня так, будто это «нет» уже начинало приобретать собственный титул.

- Вы собираетесь жить здесь.
- Временно.
- Пользоваться ресурсами дома.
- Для работы с вашим контуром.
- И при этом отказываетесь от средств дома?
- На бытовые расходы во время работы можете оплачивать жильё, питание и транспорт.

Личные расходы я оплачиваю сама.

- Из каких средств?
- Вот это был хороший удар.
- Потому что ответа я пока не знала.
- Я сцепила пальцы.
- Из тех, которые принадлежат Элиане и не ограничены законом.
 - Вы даже не знаете их объёма.
 - Поэтому требую перечень.
 - А до его получения?

Я не любила зависеть от людей.

Ещё сильнее я не любила делать вид, что зависимости нет, когда она очевидна.

- До получения вы можете предоставить временную сумму.

Его бровь поднялась.

- Только не радуйтесь.
- Я ещё не успел.
- Сумма оформляется как аванс по соглашению о работе с контуром.

Теперь он действительно посмотрел на меня иначе.

- Вы хотите, чтобы дом платил вам за участие?

– Вы хотите, чтобы я использовала тело, являющееся вашим вторым ключом, тратила время и оставалась рядом из-за вашей системы. Как вы это называете?

- Обязанностью.
- Я больше не часть дома Дорвен.

Тишина.

Это было первое место, где разговор перестал быть только о деньгах.

Рейнар отвёл взгляд к документу.

- Запишите аванс, – сказал он.

Писец быстро склонился над листом.

Я не позволила себе улыбнуться.

Следующий пункт оказался важнее.

Доступ к материалам расследования.

В черновике его не было вообще.

- Добавляем.
- Нет.

Ответ пришёл мгновенно.

Я подняла голову.

- Почему?
- Часть материалов содержит сведения ограниченного доступа.
- Те самые, из-за которых меня обвиняют?
- В том числе.

- Тогда особенно.
- Вы отстранены от доступа.
- На каком основании?
- Расследования.
- Значит, я должна помогать диагностировать систему, связанную с делом, но не могу видеть материалы этого дела?
- Не все.
- Какие могу?
- Он назвал несколько категорий.
- Я слушала.
- Потом спросила:
- Кто решает, что я могу видеть?
- Пауза.
- Вот теперь стало интересно.
- В разных случаях разные органы.
- А вы?
- Я контролирую доступ к внутренним материалам дома.
- Тем самым материалам, которые раньше использовали против Элианы?
- Он ничего не ответил.
- Мне хватило.
- Тогда пишем: я имею доступ ко всем материалам, непосредственно касающимся моих действий, моей печати, моей роли второго ключа и оснований ограничений моих прав. Если документ содержит сведения, которые нельзя раскрыть полностью, мне предоставляют основание отказа и доступную часть.
- Это невозможно выполнить во всех случаях.
- Почему?
- Потому что вы можете запросить материалы действующей обороны рубежа.
- Тогда мне отказывают с письменным основанием.
- Его лицо стало жёстким.
- Вы очень любите письменные основания.
- Они меньше меняют мнение задним числом.
- Попала.
- Я увидела это по тому, как он перестал двигаться.
- Не нужно было произносить имя Элианы.
- Оно и так сидело за столом между нами.
- Писец перестал писать.
- Рейнар сказал тихо:
- Продолжайте.
- Я продолжила.
- Мне нужен независимый юрист.
- Дом предоставит.
- Не дом.
- Почему?
- Потому что юрист, которого оплачиваете вы, защищает ваши интересы.
- Не обязательно.
- Я предпочитаю не проверять.
- Он провёл пальцем по краю листа.
- Вы сможете выбрать представителя самостоятельно.
- И оплачивать из собственных средств после получения доступа к ним.

– До этого?
– Аванс.
Теперь он почти улыбнулся.
Почти.
– Разумеется.
Последним оставался второй ключ.
Я посмотрела на этот пункт дольше остальных.
– Здесь должно быть записано, что процедура моей замены начинается.
– Она и так начнётся.
– Записано.
– Вы мне не доверяете.
Фраза прозвучала без обвинения.
Просто факт.
Я встретила его взгляд.
– А должна?
Он не ответил.
Очень правильный ответ.
– Я не знаю вас, – сказала я. – Но знаю, что женщина, чьё имя я сейчас ношу, вам доверяла. И посмотрите, где мы сидим.
Писец очень внимательно изучал чернила.
Рейнар медленно выпрямился.
Я ожидала возражения.
Получила другое.
– Запишите начало процедуры безопасной замены второго ключа.
Перо закрипело.
– Срок? – спросила я.
– После первичной диагностики повреждения.
– Не «когда сочтёте возможным».
– После диагностики.
Я кивнула.
Черновик перестал быть предложением Рейнара.
Теперь это было что-то среднее между контрактом, перемирием и инструкцией по обращению со мной.
И мне это нравилось гораздо больше.
Писец перечитал пункты вслух.
Отдельные помещения.
Запрет входить без разрешения.
Ограниченная обязанность работать с контуром.
Отдельно определённые аварийные случаи.
Средства.
Перечень имущества.
Независимый юрист.
Доступ к относящимся ко мне материалам.
Письменные основания отказов и ограничений.
Запуск безопасной замены второго ключа.
Я слушала и впервые с момента пробуждения ощущала под ногами хоть какую-то поверхность.
Потом писец дошёл до последнего абзаца.
И ощущение закончилось.

– «В случае угрозы стратегической безопасности глава дома Дорвен вправе временно изменять условия настоящего соглашения до устранения угрозы...»

– Нет.

Писец замолчал.

Я посмотрела на Рейнара.

Он на меня.

– Этот пункт необходим, – сказал он.

– Этот пункт превращает все предыдущие в украшение.

– В кризисе я не могу заранее предсказать каждое решение.

– А я не подпишу документ, который позволяет вам отменить мои права словами «стратегическая безопасность».

– Тогда мы не подпишем ничего.

Вот теперь это были переговоры.

Настоящие.

Я медленно подтянула лист к себе.

– Хорошо.

Рейнар нахмурился.

– Хорошо?

– Не подпишем.

– Контур ждёт диагностики.

– Значит, у вас есть прекрасная причина придумать формулировку получше.

Он смотрел на меня долго.

Потом неожиданно протянул руку.

Не за договором.

К звонку на краю стола.

– Позовите специалиста по контуру, – приказал он вошедшему слуге. – И судебного поверенного.

Я прищурилась.

– Зачем?

– Вы хотите предел моей власти.

Он посмотрел на последний абзац.

– Значит, установим его так, чтобы даже я не мог сделать вид, что не понял.

Вот теперь я действительно улыбнулась.

Совсем немного.

Похоже, бывший муж Элианы начинал понимать правила.

Оставалось выяснить, способен ли он их соблюдать, когда станет по-настоящему неудобно.

Глава 6. Договор без любви

Судебный поверенный оказался человеком, способным испортить настроение даже Рейнару.

Я поняла это через три минуты после знакомства и немедленно прониклась к нему уважением.

Он был сухощав, сед, одет в простую тёмную мантию и смотрел на наш договор так, будто перед ним лежала не попытка двух бывших супругов не убить друг друга бюрократией, а плохо составленный счёт за поставку зерна.

Рядом сидел специалист по защитному контуру. Он почти не интересовался нашими семейными проблемами и с самого начала изучал только тот пункт, где упоминались первый и второй ключи.

– Итак, – произнёс поверенный. – Лорд Дорвен желает сохранить возможность временно изменять условия соглашения при угрозе стратегической безопасности.

– Да, – сказал Рейнар.

– Леди Вейр возражает.

– Да, – сказала я.

Поверенный посмотрел на нас поверх листа.

– Как приятно видеть единство хотя бы в ответах.

Я сдержала улыбку.

Рейнар даже не попытался.

– Что говорит закон? – спросил он.

– Закон говорит, что чрезвычайные полномочия главы стратегического дома не превращают совершеннолетнего дееспособного человека в имущество этого дома.

Теперь я улыбнулась.

Совсем немного.

Рейнар заметил.

– Никто не говорил об имуществе.

– Формулировка, которую вы предложили, позволяет вам фактически отменить любую договорную границу собственным решением, – спокойно возразил поверенный. – Не называя человека имуществом.

Рейнар перевёл взгляд на черновик.

Я молчала.

Когда кто-то другой делает твою работу особенно хорошо, мешать невежливо.

– Какие чрезвычайные полномочия у меня остаются? – спросил он.

– Вы вправе управлять своим домом, людьми дома, военными подразделениями и самим контуром в пределах ваших полномочий. Вы можете закрыть участок, эвакуировать помещение, ограничить доступ к защищённым сведениям при непосредственной угрозе.

– А второй ключ?

Поверенный повернулся к специалисту.

Тот положил на стол тонкую металлическую пластину.

– Второй ключ не подчиняется приказу первого.

Я приподняла бровь.

– Наконец-то хорошие новости.

Специалист бросил на меня быстрый взгляд.

– Это не вопрос отношений, миледи. Так устроен контур.

– Тем лучше.

Он провёл пальцем по рисунку на пластине.

– Критические действия требуют двух самостоятельных подтверждений. Первый ключ даёт своё. Второй – своё.

– То есть если Рейнар прикажет мне что-нибудь подтвердить...

– Контур не интересуется приказом.

– Если меня заставят физически?

Специалист помолчал.

Рейнар повернул голову ко мне.

Я не смотрела на него.

Мне нужен был ответ системы, а не оскорблённое достоинство бывшего мужа.

– Принудительное движение руки не создаёт полноценного подтверждения второго ключа, – сказал специалист. – Нужна сознательная активация.

– Если я без сознания?

– Невозможно.

– Если откажусь?

– Значит, второго подтверждения не будет.

Вот теперь я посмотрела на Рейнара.

Он выдержал взгляд.

– Я не собирался принуждать вас.

– Верю.

Его бровь чуть поднялась.

– Так быстро?

– Нет. Просто ваша личная позиция и устройство системы – разные вещи. Я предпочитаю, когда у хороших намерений есть техническая поддержка.

Поверенный кашлянул в кулак.

Кажется, это был смех.

Специалист по контуру не улыбнулся вообще.

– Аварийная ситуация ничего не меняет? – спросила я.

– Меняет скорость решений. Не природу ключей.

Вот такую фразу я готова была вставить в договор золотыми буквами.

– Записываем.

Рейнар повернулся к писцу.

– Записывайте.

Я не ожидала, что он согласится так быстро.

Наверное, по лицу это было видно.

– Что? – спросил Рейнар.

– Ничего.

– Леди Вейр.

– Я ожидала ещё минут десять спора.

– Вы пригласили независимого поверенного именно затем, чтобы установить предел полномочий.

– Я пригласила?

– Вы потребовали.

– Тогда вы быстро учитесь различать смысл слов.

Он посмотрел на меня так, будто очень хотел ответить.

Не ответил.

Первый маленький успех нашего соглашения.

Писец переписал спорный абзац.

Теперь чрезвычайная ситуация позволяла Рейнару менять порядок и время работы с контуром, но не отменять мои личные права и не требовать магического действия без моего сознательного согласия.

Следующий пункт занял больше времени.

Доступ к документам.

– Леди Вейр получает материалы, непосредственно относящиеся к её действиям, личной печати, второму ключу и ограничениям её прав, – прочитал поверенный. – При невозможности полного раскрытия предоставляется доступная часть и письменное основание отказа.

Я кивнула.

Рейнар нет.

– Иногда само основание способно раскрыть защищённую информацию.

– Тогда основание формулируется без неё, – сказал поверенный.

– Это может быть недостаточно.

– Для кого?

Рейнар посмотрел на меня.

Я развела руками.

– Не я спросила.

Поверенный продолжил:

– Если леди Вейр считает отказ необоснованным, она получает право обратиться за независимым пересмотром.

– Куда? – спросила я.

– В зависимости от типа документа – к уполномоченному судье или в соответствующую государственную инстанцию.

– Не к Рейнару?

– Нет.

– Оставляем.

Рейнар медленно выдохнул.

– Оставляем.

Ещё один пункт.

Собственные средства.

Дом оплачивал моё проживание и необходимые расходы, связанные с работой контура. Отдельная сумма оформлялась не как содержание бывшей супруги, а как аванс по временному соглашению.

Это было важно.

Не из-за денег.

Из-за названия денег.

Содержание можно было отнять вместе с благосклонностью.

Оплата работы имела другое происхождение.

Потом мы закрепили право самостоятельно выбрать юриста.

Отдельные комнаты.

Запрет входить без разрешения, кроме непосредственной физической угрозы, которую невозможно устранить иначе.

Перечень имущества Элианы.

Письменные основания действующих ограничений.

И наконец дошли до замены второго ключа.

Специалист по контуру перечитал формулировку дважды.

– Так нельзя.

Я напряглась.

– Что именно?

– «Начать замену после первичной диагностики».

– Почему?

– Потому что диагностика может показать состояние, при котором немедленное начало регистрации нового ключа уничтожит часть остаточных следов.

– Мы уже это обсуждали.

– Тогда договор должен различать подготовку к замене и саму замену.

Рейнар нахмурился.

Я тоже.

Вот здесь могла спрятаться прекрасная лазейка размером с дворец Дорвенов.

– Объясните.

Специалист положил ладонь на стол.

– После первичной диагностики можно начать подготовительную процедуру: определить состояние контура, требования к новому ключу, порядок безопасного вывода нынешнего. Это не меняет регистрацию.

– А формальная замена?

– Запускается после независимого заключения о безопасности.

– Кто заказывает заключение?

– Держатель контура.

Я посмотрела на Рейнара.

– То есть он.

– Да.

– И если не закажет?

Специалист посмотрел на поверенного.

Тот уже делал пометку.

– Тогда будет нарушено соглашение, если мы прямо закрепим обязанность получить такое заключение.

– Закрепляем.

Рейнар сказал это раньше меня.

Я повернулась к нему.

Он смотрел на специалиста.

– После первичной диагностики начинается подготовка. Затем независимое заключение. После подтверждения безопасности – формальная процедура замены.

– Да, милорд.

– Запишите именно так.

Писец записал.

Я провела пальцем по краю стола.

Всё ещё хотелось найти подвох.

Не потому, что он обязательно существовал.

Потому что доверие было слишком дорогой вещью, чтобы раздавать его в первые двое суток знакомства.

Поверенный дочитал последнюю страницу.

– Остался срок действия.

– До безопасного завершения замены второго ключа, – сказала я.

– Или устранения необходимости в вашем участии иным законным способом, – добавил он.

Я посмотрела на него.

– Это что означает?

– Если контур будет перестроен так, что второй ключ вообще перестанет требоваться, вы не должны оставаться связаны соглашением только из-за старой формулировки.

Разумно.

– Хорошо.

Рейнар тоже согласился.

Поверенный положил перо.

– Тогда последний вопрос к обеим сторонам. Вы понимаете условия?

– Да.

– Принимаете добровольно?

– Да.

Рейнар ответил одновременно со мной.

Писец развернул чистовую версию.

Я прочитала её ещё раз.

Медленно.

От начала до конца.

Рейнар ждал.

Не торопил.

За окнами уже темнело, а где-то далеко в доме иногда проходила слабая дрожь, напоминавшая, что мы вообще сидим здесь не из любви к хорошей документации.

Я дошла до последней строки.

– Где подписывать?

Поверенный указал на рамку.

Тело снова знало больше меня.

Пальцы легли правильно сами.

Я остановилась.

На этот раз движение не испугало.

Только разозлило немного.

Элиана умела это делать.

Я нет.

Но рука всё равно помнила.

Я активировала печать.

Свет прошёл по линиям и погас.

Рейнар поставил своё подтверждение следом.

Поверенный проверил оба.

– Соглашение вступило в силу.

Вот и всё.

Мы больше не были мужем и женой.

Не были друзьями.

Не были союзниками по выбору сердца, судьбы или великой магической любви.

Мы были двумя взрослыми людьми, которым очень не повезло оказаться необходимыми одной повреждённой системе.

Мне подходило.

Я взяла свою копию.

– Теперь вы не можете просто приказать мне идти к контуру.

Рейнар посмотрел на договор.

Потом на меня.

– Не могу.

Дверь открылась.

На пороге появился Тален.

Он не вошёл.

– Первый ключ нужен в нижнем узле.

Рейнар сразу поднялся.
Тален перевёл взгляд на меня.
– И второй.
Я посмотрела на свежую печать соглашения.
Потом на Рейнара.
Он уже мог развернуться и уйти.
Мог сказать, что ситуация срочная.
Мог напомнить о людях на рубеже.
Вместо этого спросил:
– Вы согласны начать первичную диагностику сейчас?
Я не ответила сразу.
Не из желания помучить его.
Просто отметила вопрос.
Не приказ.
Не «идём».
Вопрос.
Первый небольшой результат двадцати страниц условий.
Я поднялась.
– С одним требованием.
– Каким?
– Никто не ожидает, что я знаю, что делать.
Тален нахмурился.
Рейнар стал внимательнее.
– Элиана знала.
– Я нет.
Несколько секунд он смотрел на меня.
– Тогда вам объяснят каждый шаг.
– До того, как я его сделаю.
– До.
Я убрала копию договора в папку.
– В таком случае согласна.
Специалист по контуру появился в коридоре почти одновременно с нами.
На этот раз его спокойствие куда-то исчезло.
– Милорд.
Рейнар остановился.
– Что?
– Мы открыли диагностическую рамку.
– И?
Специалист посмотрел не на него.
На меня.
– Контур ответил на второй ключ.
– Вы же говорили, что это нормально.
– Ответить – да.
Он сжал металлическую пластину в руке.
– Но сейчас он отвечает не так, как должен.
Рейнар уже шёл к нему.
Я последовала за ними.
Первый день в чужом мире подарил мне развод и обвинение в государственной измене.

Второй закончился договором с драконом и неисправной магической системой, которая почему-то узнавала меня лучше, чем я сама.

Похоже, завтра стоило вообще не строить планов.

Глава 7. Ключ, который ничего не помнит

Нижний узел находился под домом.

Разумеется.

Потому что если в новом мире существует магическая система, от которой зависит безопасность границы, её непременно нужно спрятать в каменном подземелье с лестницей, на которой удобно сломать шею.

Я спускалась за Рейнаром, считала ступени и старалась не думать о том, что согласилась добровольно.

На двадцать седьмой ступени это всё ещё казалось сомнительным решением.

На тридцать четвёртой снизу донёсся низкий гул.

Я остановилась.

– Это нормально?

Рейнар обернулся.

– Да.

– Прекрасно. А ненормально звучит как?

– Вы услышите.

Очень обнадеживающе.

Внизу нас ждала женщина, которую я уже видела во время переговоров. Вчера она почти не отрывалась от схемы контура и выглядела так, будто любые человеческие отношения являются досадной помехой для нормальной работы.

Сегодня волосы у неё были собраны кое-как, рукава закатаны, а на пальцах остались тёмные следы металлической пыли.

– Илла Сорен, – представилась она, заметив мой взгляд. – Специалист по повреждённым печатям и контурам.

– Марина...

Я остановилась.

Рейнар посмотрел на меня.

– Элиана, – закончила я.

Имя легло на язык тяжело.

Илла ничего не спросила.

– Хорошо. Главное правило: не касайтесь ничего, пока я не скажу.

– Вот это правило мне нравится.

Она протянула мне тонкие перчатки.

– Второе: если почувствуете боль, онемение, жар или желание немедленно убрать руку, убирайте.

– Даже если кто-нибудь скажет держать?

Илла посмотрела на Рейнара.

– Особенно если кто-нибудь скажет держать.

– Илла.

– Вы хотели независимого специалиста, милорд.

Я решила, что она мне нравится.

Помещение за её спиной было меньше, чем я ожидала.

Никаких сияющих кристаллов ростом с человека и кругов призыва древнего зла.

В каменный пол были врезаны металлические линии. Они сходились к низкому столу в центре, на котором лежали несколько пластин, похожих на ту, что я видела во время тревоги.

По стенам тянулись узкие желоба с тёмными камнями.

Некоторые светились ровно.

Два оставались почти чёрными.

– Эти узлы? – спросила я.

– Отражение их состояния, – ответила Илла. – Не сами узлы. Контур растянут на большую территорию.

– То есть мы не управляем всей границей из подвала?

– К счастью.

– Уже второй хороший факт за вечер.

Рейнар снял перчатки.

Я посмотрела на его руки.

– Вам не нужны?

– Нет.

– Потому что первый ключ?

– Потому что я знаю, к чему можно прикасаться.

Ладно.

Тоже справедливо.

Илла положила передо мной прямоугольную пластину. По ней шли тонкие линии, делившие поверхность на несколько участков.

– Сейчас мы не исправляем контур, – сказала она. – Только открываем диагностический слой.

– Что это значит человеческим языком?

– Смотрим, где система считает себя повреждённой.

– А где она повреждена на самом деле?

Илла на секунду замолчала.

– Это один из вопросов.

Мне понравился ответ.

– Что делать?

Она указала на три маленьких знака у края пластины.

– Второй ключ обычно начинается отсюда.

– Обычно?

– Элиана начинала.

Я посмотрела на знаки.

Ничего.

Ни узнавания.

Ни воспоминания.

Ни загадочного голоса прежней хозяйки тела.

Три тонких углубления в металле.

– Как?

Илла нахмурилась.

– Вы хотите, чтобы я показала последовательность?

– Я хочу, чтобы вы объяснили её с самого начала.

Рейнар произнёс:

– Элиана, вы делали это сотни раз.

Я медленно повернулась к нему.

Вот и приехали.

– А я сегодня делаю впервые.

– Мы уже установили, что вы не помните часть событий.

– Не часть. Я понятия не имею, что передо мной.

Его взгляд стал жёстким.

– Вчера вы активировали личную печать без объяснений.

- Моя рука активировала.
- Разница?
- Огромная.
- Я сняла одну перчатку и положила ладонь на стол.
- Я могу завязать шнурок, не объясняя себе каждое движение пальцев. Это не значит, что я умею производить обувь.
- Илла тихо сказала:
- Вообще-то хорошее сравнение.
- Рейнар посмотрел на неё.
- Я молчу.
- Она не молчала.
- Леди Вейр, попробуйте положить пальцы рядом с пластиной. Не касайтесь. Просто не думайте о последовательности.
- Очень профессиональный метод.
- У меня есть другие. Они неприятнее.
- Я вытянула руку.
- Ничего не произошло.
- Потом Илла сказала:
- Открытие второго слоя.
- И мои пальцы двинулись.
- Сами.
- Указательный лёг на первый знак.
- Безымянный на третий.
- Большой палец коснулся края рамки.
- Я застыла.
- Не двигайтесь, – сказал Рейнар.
- Очень поздний совет.
- По пластине прошёл бледный свет.
- Я смотрела на собственную руку с таким ощущением, будто она принадлежала человеку, стоящему рядом.
- Свет дошёл до середины и погас.
- Илла быстро что-то отметила в журнале.
- Ещё раз.
- Я убрала руку.
- Нет.
- Она подняла голову.
- Больно?
- Нет.
- Тогда почему?
- Потому что я хочу понять, что только что сделала.
- Рейнар ответил:
- Открыли диагностический слой.
- Я услышала название. Что сделала?
- Илла отложила перо.
- Контур хранит несколько уровней доступа. Обычное состояние показывает нагрузку. Диагностический слой позволяет увидеть остаточные следы недавних изменений.
- То есть я дала системе согласие показать информацию?
- Упрощённо – да.
- Я могла изменить что-нибудь?

– На этом этапе нет.
– Вот теперь ещё раз.
Я протянула руку.
И снова тело выполнило движение быстрее, чем я успела запомнить порядок.

Первый.

Третий.

Край.

Свет.

Никакого понимания.

Никакой Элианы в голове.

Только чужая привычка в моих пальцах.

Рейнар больше не выглядел раздражённым.

Он смотрел очень внимательно.

– Что? – спросила я.

– Вы действительно не знаете последовательность.

– Наконец-то.

– Но выполняете её правильно.

– Это должно меня утешить?

– Нет.

Хороший ответ.

Илла передвинула вторую пластину.

– Теперь первый ключ.

Рейнар положил ладонь.

У него всё произошло иначе.

Никаких осторожных движений. Свет сразу заполнил половину схемы, несколько линий на полу вспыхнули, и по комнате прошёл тот самый низкий гул.

Я невольно отступила.

– Это мощность? – спросила я.

– В том числе, – ответила Илла.

– Поэтому два ключа разные.

– Именно. Первый держит и направляет. Второй проверяет критические изменения независимо от первого.

Я посмотрела на Рейнара.

– Удобно. Даже ваши предки вам не доверяли.

– Они никому не доверяли настолько.

– Очень здоровая семейная традиция.

Илла уже раскладывала на столе новые пластины.

– Теперь оба.

Я встала напротив Рейнара.

– Что именно мы подтверждаем?

– Ничего не меняем, – сказала Илла. – Только синхронизируем диагностическое чтение.

– Я хочу услышать точные действия.

Она кивнула.

Объяснила.

Медленно.

Я повторила своими словами.

Она поправила один термин.

Только после этого мы коснулись пластин.

Сначала ничего.

Потом свет поднялся от пальцев Рейнара и пошёл по линиям.
Моя часть ответила чуть позже.
В центре схемы два потока встретились.
И помещение исчезло.
Не физически.
Я всё ещё чувствовала камень под ногами, холод металла под рукой, собственное дыхание.
Но поверх этого появилось другое ощущение.
Пространство.
Огромное.
Растянутое на десятки направлений.
Точки.
Связи.
Давление.
Я резко вдохнула.
– Не пытайтесь понять всё, – быстро сказала Илла. – Найдите только участки без ответа.
Очень своевременный совет.
Передо мной словно развернули схему огромного объекта и одновременно выкинули легенду, подписи и инструкцию.
Но одно я умела.
Искать, где система ведёт себя не так, как остальные части.
– Здесь.
Я сама не поняла, почему сказала вслух.
– Где? – спросил Рейнар.
– Слева.
– Это не направление.
– Для меня сейчас очень даже направление.
Илла подошла ближе.
– Покажите на пластине.
Я открыла глаза.
Светящиеся линии расплывались.
Палец потянулся к одному сектору.
И вдруг свернул.
Не туда, куда хотела я.
В другую точку.
– Стоп.
Рейнар мгновенно убрал руку.
Свет исчез.
Я выдернула пальцы следом.
– Что произошло? – спросила Илла.
Я смотрела на свою руку.
– Я хотела показать одно место. Рука выбрала другое.
Рейнар напрягся.
– Элиана часто работала именно с этим сектором.
– Отлично. А я не Элиана.
Слова вырвались раньше, чем я успела их остановить.
Тишина стала плотнее.
Я поправилась:
– В смысле, я её не помню.

Рейнар не отводил глаз.

Пока без вопросов.

Илла уже наклонилась над указанным сектором.

– Подождите.

Она взяла узкий инструмент, провела по линии.

Свет не загорелся.

Провела ещё раз.

– Не может быть.

– Что? – спросил Рейнар.

Илла подняла другую пластину и сравнила две схемы.

– Этот участок числится исправным.

– И?

– Он отвечает как исправный.

– Тогда проблема в чём?

Она постучала ногтем по краю.

– В том, что остаточный след здесь выглядит свежее самого сбоя.

Я ничего не поняла.

Рейнар, судя по лицу, понял.

– Повторная проверка?

– Возможно.

– Кто проводил?

– Сегодня никто.

В комнате снова стало тихо.

Я посмотрела на тёмные линии под ногами.

– А если не сегодня?

Илла медленно подняла на меня глаза.

– Тогда нам нужен журнал предыдущих проверок.

Рейнар уже повернулся к двери.

Я остановила его:

– Нет.

Он оглянулся.

– Что?

– Сначала объясните мне одну вещь.

Я указала на сектор, который выбрала моя рука.

– Почему контур считается повреждённым в одном месте, а след проверки появляется в другом?

Илла посмотрела на схему.

Потом на Рейнара.

– Именно это мне сейчас очень не нравится.

Под нашими ногами что-то едва слышно щёлкнуло.

На пластине сам собой вспыхнул тот самый сектор.

Один раз.

Погас.

И вспыхнул снова.

Илла побледнела.

– Отойдите от стола.

Я отступила.

– Почему?

Она уже тянулась к аварийному фиксатору.

– Потому что контур только что начал отвечать на проверку, которую никто из нас не запускал.

Глава 8. Кто проверяет контур?

– Потому что контур только что начал отвечать на проверку, которую никто из нас не запускал.

Илла дёрнула аварийный фиксатор.

Ничего.

Это оказалось хуже, чем если бы он сработал.

– Ещё раз, – сказала она.

Металлический рычаг ушёл вниз до упора.

Свет на стенах погас.

Гул стих.

Я уже собиралась выдохнуть, когда в центре пластины снова появилась тонкая линия.

Она двигалась сама.

Медленно.

От одного сектора к другому.

– Я ничего не делаю, – сказала я.

– Знаю.

Илла смотрела на схему.

Рейнар тоже.

– Остановите её.

– Не могу.

– Почему?

– Потому что это не команда. Это остаточный ответ.

Я нахмурилась.

– Остаточный от чего?

Илла не успела ответить.

Линия на пластине резко свернула и остановилась на том самом секторе, который выбрала моя рука.

Три коротких вспышки.

Потом одна длинная.

Рейнар шагнул к столу.

– Назовите значение.

– Пока не могу.

– Илла.

– Я сказала, не могу.

Он замолчал.

Я впервые увидела, как кто-то способен возразить Рейнару и остаться на месте.

Полезный навык.

Сама я пока осваивала его на бытовом уровне.

– Что именно мы сейчас видим? – спросила я.

Илла посмотрела на меня.

– Проверочную последовательность.

– А кто её запустил?

– Вот это мы и пытаемся понять.

Я снова посмотрела на пластину.

Система повторила движение.

Тот же сектор.

Те же три вспышки.

И вдруг мне стало не по себе.
– Подождите.
Все замерли.
– Что?
Я показала на линию.
– Она повторяется.
– Да.
– Нет. Не просто повторяется.
Я наклонилась ближе.
– Она каждый раз начинает с одного места, но заканчивает здесь.
Илла нахмурилась.
– Верно.
– Почему?
– Потому что этот сектор сейчас является точкой отклонения.
– Тогда почему проверяется начало?
Она посмотрела на схему.
Потом взяла другую пластину.
Сравнила.
Потом ещё одну.
– Потому что проверка построена не от повреждения.
– А от чего?
– От старого маршрута.
Рейнар мгновенно спросил:
– Какого старого?
Илла не ответила.
Я посмотрела на него.
Он уже понял больше, чем хотел показать.
– Элиана использовала этот маршрут?
– Не знаю, – сказала Илла.
Рейнар нахмурился.
– Вы только что сказали, что это старый маршрут.
– Маршрут старый. Я не сказала, что его использовала именно она.
Вот теперь мне стало интересно.
Очень.
– А что это вообще значит?
Илла провела ногтем по краю пластины.
– Диагностическая система должна проверять узлы по текущей схеме. Если один участок повреждён, она фиксирует отклонение и передаёт информацию первому ключу.
– А сейчас?
– Сейчас она сначала проходит часть старой последовательности, потом сама уходит к повреждённому участку.
– Сама?
– Да.
Я посмотрела на Рейнара.
– Вы понимаете?
– Примерно.
– А я нет.
– Я вижу.
В его голосе прозвучало раздражение.

Не на меня.

На ситуацию.

Но я уже успела привыкнуть к его манере держать раздражение так, будто оно принадлежало исключительно ему.

– Тогда объясните, – сказала я.

Он открыл рот.

И остановился.

Илла посмотрела на него.

Я тоже.

– Что? – спросила я.

– Я не знаю, как объяснить вам это так, чтобы не предположить лишнего.

Вот это было новое.

Рейнар Дорвен не знал.

И не делал вид, что знает.

– Попробуйте без лишнего.

Он подошёл к столу.

– Представьте дорогу. Система знает, что должна пройти от точки А к точке Б. Но вместо этого каждый раз начинает движение по старому маршруту, а потом сворачивает к месту повреждения.

– Значит, маршрут изменён.

– Или старая схема всё ещё где-то используется.

– Кем?

Он посмотрел на меня.

– Этого мы не знаем.

Пластина вспыхнула.

Я вздрогнула.

На этот раз линия не пошла к сектору.

Она вернулась назад.

К начальной точке.

Потом снова вперёд.

Точно так же.

Раз.

Два.

Три.

Я вдруг поняла, что смотрю не на магию.

На поведение системы.

И это было гораздо интереснее.

– Можно ещё раз открыть диагностический слой?

Илла кивнула.

– Можно.

Рейнар сразу сказал:

– Нет.

Я повернулась.

– Почему?

– Пока не поймём, что именно запускает повтор.

– Именно поэтому нужно посмотреть.

– Вы не специалист.

– Вы тоже не специалист по моим рукам.

Он замолчал.

Илла медленно произнесла:

– В одном она права.

Рейнар бросил на неё короткий взгляд.

– Продолжайте.

– Мы можем открыть слой повторно, но не дадим системе завершить цикл. Посмотрим, на каком участке она начинает отклоняться.

– Риск?

– Небольшой.

– Насколько небольшой?

– Если бы я могла выразить его одним числом, вы бы не спрашивали.

Я почти улыбнулась.

Рейнар не улыбнулся.

– Что нужно от второго ключа?

Илла посмотрела на меня.

– Только подтверждение доступа.

Я протянула руку.

– Тогда делаем.

Рейнар перехватил мой взгляд.

– Если станет больно, сразу убираете руку.

– Я помню.

– Нет, – тихо сказал он. – Вы должны помнить, что можете остановиться.

Я ничего не ответила.

Потому что именно это он сказал впервые не как глава дома.

И не как человек, привыкший отдавать распоряжения.

Как человек, который действительно собирался ждать моего решения.

Я коснулась пластины.

Свет поднялся.

На этот раз я заранее знала последовательность.

Первый знак.

Третий.

Край.

Потом второй ключ.

Контур ожил.

Линии на полу вспыхнули одна за другой.

Рейнар положил ладонь на свою часть.

Гул стал глубже.

Перед глазами снова возникло огромное пространство из светящихся связей.

Но теперь я не пыталась охватить его целиком.

Я смотрела только на движение.

Вот оно.

Проверка шла по старому маршруту.

Раз.

Два.

Три.

На четвёртом переходе линия должна была свернуть.

Не свернула.

Я нахмурилась.

– Стоп.

Рейнар мгновенно убрал руку.

Свет не исчез.
Я тоже убрала свою.
Контур продолжал работать.
У меня пересохло во рту.
– Я больше ничего не подтверждаю.
– И не должны, – сказала Илла.
Она уже стояла возле стены.
Провела пальцами по тёмной полосе.
– Вот.
– Что?
– След.
Я подошла.
На камне ничего не было.
Илла приложила пластину.
Появилась тонкая светлая отметка.
– Это след проверки.
– Но вы сказали, что никто её не запускал.
– Я сказала, что никто из нас не запускал её сейчас.
Я посмотрела на Рейнара.
– А когда запускали?
Он ничего не ответил.
Не потому, что не знал.
Потому что понял, что ответ ему не понравится.
Илла развернула журнал.
– Последняя зарегистрированная проверка этого участка была...
Она провела пальцем по строкам.
Остановилась.
– Три дня назад.
– И что? – спросила я.
Илла медленно подняла глаза.
– Три дня назад этот сектор ещё числился исправным.
У меня внутри всё сжалось.
Не страх.
Пока нет.
Скорее ощущение, что передо мной только что приоткрыли дверь, за которой находится слишком большая проблема.
– Тогда почему проверка ведёт сюда?
Рейнар посмотрел на светящуюся отметку.
– Потому что кто-то проверял не тот участок.
Я покачала головой.
– Нет.
Он повернулся ко мне.
– Что?
Я указала на линию.
– Если бы это была просто ошибка, она бы остановилась после первого неверного перехода.
Илла замерла.
Я продолжила:
– Но она исправляет себя.

– Что вы имеете в виду? – спросила она.
– Она знает, куда должна прийти.
Я посмотрела на Рейнара.
– Просто почему-то каждый раз идёт не оттуда.
В комнате стало тихо.
Очень тихо.
Потом где-то наверху раздался удар тревоги.
Один.
Короткий.
Рейнар резко поднял голову.
Второй удар прозвучал через несколько секунд.
Уже с другой стороны дома.
Илла побледнела.
– Это не наш участок.
– Какой? – спросил Рейнар.
Она посмотрела на схему.
– Западный.
Он выругался.
Я впервые услышала в его голосе не раздражение.
Настоящую тревогу.
– Он был стабилен час назад.
Илла медленно подняла пластину.
– Тогда у нас две проблемы.
– Какие?
Она посмотрела на меня.
– Повреждённый контур.
Потом на светящиеся линии.
– И проверка, которая почему-то продолжает работать после того, как её никто не запускает.

Глава 9. Правдивый рапорт

Утром контур молчал.

После вчерашних самовольных проверок это не успокаивало.

Скорее напоминало ребёнка, который перестал шуметь в соседней комнате именно в тот момент, когда взрослому стоило насторожиться.

Западный участок удалось удержать без второго ключа. Илла запретила трогать диагностический слой до повторной сверки журналов, Рейнар уехал к военным ещё до рассвета, а мне впервые за трое суток достались несколько часов, в которые никто не требовал поставить руку на светящуюся пластину, подписать развод или признаться в измене.

Я потратила их на чтение обвинений.

После нормального сна бумаги выглядели не менее убедительно.

Но теперь я смотрела на них немного иначе.

Вчера контур показал простую неприятную вещь: система могла выполнить правильное действие по неправильной последовательности.

С документами, похоже, существовала та же проблема.

Я разложила на столе всё, к чему получила доступ по договору.

Слева – заключение о пакете.

Справа – выдержки о повреждениях рубежа.

Посередине – рапорт Талена Роша.

Именно его имя повторялось чаще других там, где обвинение переходило от «Элиана имела возможность» к «Элиана сделала».

Я прочитала рапорт трижды.

Первый раз – как обычный человек.

Второй – как человек, которого по нему обвиняют.

Третий – как человек, которому когда-то платили за то, чтобы находить в отчётах разницу между выполненной работой и красивым объяснением, почему она якобы выполнена.

На третьем чтении стало интереснее.

Тален писал коротко.

Дата.

Место.

Время.

Кто находился на посту.

Что он увидел.

Но ближе к концу стиль менялся. Отдельные наблюдения соединялись в итоговую последовательность, и вот там появлялось то, чего в самих наблюдениях я не находила.

Я взяла другой лист.

Официальная выдержка из материалов обвинения формулировала всё гораздо увереннее:

Элиана Вейр провела незарегистрированную встречу с курьером, передала защищённый пакет, после чего курьер покинул владения Дорвенов по северному маршруту.

Чисто.

Понятно.

Почти невозможно истолковать иначе.

Только Тален этого не писал.

По крайней мере, не такими словами.

Я ещё раз сверила две страницы.

Потом позвонила.

Когда дверь открылась, вошёл не слуга.

Сам Тален.

– Вы меня вызывали?

– Если у вас есть время.

Он посмотрел на стол.

– Теперь есть.

Судя по тёмной полосе грязи на сапоге и свежей царапине на кожаной защите предплечья, несколько минут назад его расписание выглядело иначе.

– Западный участок?

– Держится.

– Люди?

– Целы.

Только после этого он сел.

Мне понравился порядок ответов.

Я не стала сразу задавать вопросы. Подвинула ему собственный рапорт.

Тален прочитал первую страницу, потом вторую. Лицо не изменилось.

– Ваш?

– Мой.

– Вы от чего-нибудь отказываетесь?

Он поднял глаза.

– Нет.

Ответ прозвучал настолько быстро, что я поверила ему сразу.

Не в правильность выводов.

В то, что мужчина действительно написал то, что считал правдой.

Я перевернула лист.

– Здесь указано, что вы видели Элиану у служебного двора с курьером.

– Да.

– Курьером, который позднее оказался связан с отправлением секретного пакета?

– Да.

– Что именно вы видели у двора?

Тален не заглянул в рапорт.

– Элиана пришла одна. Курьер ждал у стены. Они говорили несколько минут.

– Слышали разговор?

– Нет.

– Видели пакет?

– Нет.

Я задержала палец на строке.

В комнате ничего не изменилось.

А смысл бумаги передо мной изменился очень сильно.

– Совсем ничего не передавали?

– Небольшой сложенный лист.

– Секретные материалы?

– Не знаю.

– Конверт?

– Нет.

– Папку?

– Нет.

– Пакет, который потом нашли на тарнском направлении?

– Нет.

Я откинулась на спинку стула.
Вот теперь хотелось говорить медленнее.
– Тогда почему в официальной выдержке написано, что вы видели передачу защищённого пакета?
Тален протянул руку.
Я дала ему лист с выдержкой.
Он прочитал.
Нахмурился.
Не так, как человек, впервые увидевший ложь.
Скорее как человек, увидевший знакомую фразу в месте, где она внезапно стала означать больше.
– Здесь не сказано, что я видел пакет в руках, – произнёс он.
– Здесь написано: «по свидетельству командира Роша, встреча использовалась для передачи материалов».
– Да.
– Это вы свидетельствуете?
Пауза получилась короткой.
– Это мой вывод на момент рапорта.
Вот оно.
Я положила рядом две бумаги.
– Почему?
Тален посмотрел на них сверху, будто на карту перед боем.
Через несколько дней после той встречи, объяснил он, стало известно, что из дома ушёл запечатанный пакет Элианы. Курьерская цепочка совпадала с человеком, которого он видел возле служебного двора. Позже пришло сообщение о движении курьера к северной дороге. Почти одновременно начались проблемы на рубеже.
Для человека, отвечавшего за безопасность, картина была простой.
Тайная встреча.
Курьер.
Секретный пакет.
Северный маршрут.
Повреждения.
Я даже не могла сказать, что на его месте решила бы иначе.
И именно это раздражало сильнее всего.
– Когда вы писали рапорт?
– После первого серьёзного повреждения.
– То есть уже знали о пакете.
– Да.
– И о маршруте курьера.
– Да.
– И смотрели назад на встречу, уже зная всё остальное.
Он помолчал.
– Да.
Тален не оправдывался.
Не рассказывал, что был обязан.
Не ссыался на обстоятельства.
Просто отвечал.
Я снова посмотрела на его текст.
Теперь стала заметна одна деталь.

В первой части рапорта возле времени встречи стояла точная отметка.

Дальше время отправления пакета было указано приблизительно.

Я придвинула лист ближе.

– Вы видели, как пакет покидал дом?

– Нет.

– Кто видел?

– Дежурная смена на хозяйственном въезде зафиксировала закрытую отправку по личной печати леди Вейр.

Я провела взглядом по странице.

– Хозяйственный въезд.

– Да.

– А курьера вы видели у служебного двора.

Тален посмотрел на меня внимательнее.

– Да.

Два места.

В официальной выдержке их уже не было.

Там существовала одна удобная линия: встреча, передача, отъезд.

Я почувствовала знакомое профессиональное раздражение. В моей прежней жизни такое случалось постоянно, только последствия обычно измерялись деньгами и сорванными сроками, а не государственной изменой.

В отчёте писали: «подрядчик не выполнил работы».

Начинаешь разбирать – выясняется, что подрядчик ждал чертежи, чертежи ждали согласования, согласование лежало у заказчика, но в итоговой таблице всё это превращалось в одну красную строку напротив фамилии того, кого удобнее назначить виновным.

Факты не обязательно ввали.

Иногда достаточно было поставить их слишком близко друг к другу.

– Между встречами и отправкой сколько прошло?

Тален назвал промежуток.

Достаточный, чтобы события могли быть связаны.

И достаточный, чтобы не иметь никакого отношения друг к другу.

– Почему в рапорте это не разделено чётче?

– Потому что это был предварительный доклад по угрозе.

Он нахмурился, затем добавил:

– Мне требовалось дать лорду Дорвену картину быстро.

Я посмотрела на дверь.

Рейнара здесь не было.

Но его присутствие ощущалось в каждой странице.

Быстро принять решение.

Увидеть картину.

Действовать.

Очень полезные качества, пока кто-нибудь не перепутает скорость с точностью.

– У вас остались рабочие записи?

Тален задумался.

– Должны.

– Не переписанный рапорт. То, что вы фиксировали до него.

– Черновой журнал поста и мои заметки.

– Я хочу их увидеть.

– Зачем?

Я повернула к нему официальную выдержку.

– Потому что здесь три события выглядят как одно. Мне интересно, были ли они одним событием до того, как кто-то собрал из них объяснение.

Тален долго смотрел на страницу.

Потом медленно сложил её пополам.

– Рапорт правдивый.

– Я знаю.

Он нахмурился, будто ожидал спора.

– Тогда в чём вопрос?

Я указала на его первую строку.

– Вы видели тайную встречу.

Потом на следующую бумагу.

– Другие люди видели отдельную отправку.

На карту.

– Позднее появился северный маршрут.

И наконец на обвинительную выдержку.

– А здесь всё это уже стало передачей пакета врагу.

Тален не шевельнулся.

Я тоже.

В этом и была неприятность.

Ни одного фальшивого факта.

Ни одного очевидного лжеца.

Только расстояние между тем, что человек видел, и тем, что из этого стало известно всем остальным.

Тален забрал со стола собственный рапорт.

– Черновики принесу.

Он встал.

У двери остановился.

– Есть ещё кое-что.

– Что?

– В тот день леди Вейр была не одна всё время.

Я замерла.

Тален повернулся ко мне.

– После встречи с курьером я видел её с Лиссой Керн.

Имя я уже встречала в материалах.

Компаньонка Элианы.

Одна из женщин, чьи показания подтверждали её тайные встречи.

– Лисса что-нибудь говорила о курьере?

– Говорила, что не знает цели встречи.

– И вы ей поверили?

Тален пожал плечом.

– Тогда да.

– А сейчас?

Он открыл дверь.

– Сейчас я бы спросил, почему человек, который ничего не знает, так старательно объясняет, чего именно он не видел.

И вышел.

Я осталась перед разложенными бумагами.

Правдивый рапорт больше не выглядел слабее.

Он выглядел опаснее.

Потому что теперь я точно знала: для ложного вывода не всегда нужен лжец.

Иногда достаточно нескольких честных людей, каждый из которых видел только свой кусок.

А Лисса Керн, похоже, очень старалась убедить всех, что её кусок был пустым.

Глава 10. Ложь Лиссы

Лисса Керн жила в доме Дорвенов, но её комнаты находились почти у самого выхода.
Я заметила это сразу.

Не потому, что уже разбиралась в местных правилах расселения. Просто за последние дни мне успели показать достаточно помещений, чтобы понять простую зависимость: чем ближе человек к центру дома, тем больше вокруг него дверей, слуг, ковров и вещей, которые выглядят дорогими даже для человека из другого мира.

У Лиссы был один небольшой салон, спальня за тонкой дверью и два дорожных сундука у стены.

Один уже стоял закрытым.

На втором лежала сложенная одежда.

Она собиралась уезжать.

Это тоже было полезнее половины вопросов.

Лисса встретила меня стоя.

Невысокая, светловолосая, с лицом, которое я уже видела на листах показаний. Там она выглядела увереннее. Бумага вообще очень помогает людям.

В жизни её пальцы всё время находили друг друга и тут же расходились.

– Леди Вейр.

– Лисса.

Она вздрогнула от того, что я назвала её просто по имени.

Или от моего голоса.

С Элианой она провела не один год. Наверное, для неё моё лицо было самым знакомым в комнате.

Для меня её лицо существовало меньше минуты.

Я не стала предлагать ей садиться как хозяйка. Это были её комнаты.

Села только после неё.

На столе между нами стоял нетронутый чай. Рядом лежала книга, раскрытая примерно на середине.

Я посмотрела на страницу.

Перевёрнута неправильно.

Книгу открыли не для чтения.

Лисса ждала меня и хотела выглядеть занятой.

– Я читала ваши показания.

Её пальцы сцепились.

– Да, миледи.

– Несколько раз.

– Я сказала всё, что знала.

Слишком быстро.

Тален предупреждал.

Человек, который ничего не скрывает, обычно не начинает разговор с заверения, что ничего не скрывает.

Я достала его рапорт, но не положила перед ней.

Пока нет.

– Вы сопровождали Элиану в последние недели перед обвинением?

– Иногда.

– Часто?

– В зависимости от того, куда она ехала. В доме я почти всегда была рядом, но леди Элиана нередко просила оставить её одну. Особенно в последнее время. Она стала очень закрытой. Нервной. Иногда уходила, не предупреждая меня заранее, поэтому я, конечно, не могла знать обо всех её встречах.

Слишком много ответа на два слова.

Я слушала.

Это было важнее вопросов.

Лисса объясняла тщательно. Где стояла. Когда уходила. Почему чего-то не заметила. Почему не могла отвечать за действия Элианы.

Каждая фраза оставляла ей небольшой проход в сторону.

Я не знала, была ли это привычка испуганного человека или навык человека, который однажды уже понял цену неверно выбранного слова.

– В день встречи с курьером вы были с ней?

Лисса посмотрела на чай.

– Нет.

– Совсем?

– Насколько я помню, нет.

Появилось первое «насколько».

– Тален видел вас вместе после встречи.

Чашка тихо звякнула о блюде.

Не сильно.

Лисса просто поставила её чуть точнее, чем требовалось.

– После?

– Да.

– Тогда, возможно, я присоединилась позже.

– Где?

Она задумалась.

Слишком долго для места, в котором была сама.

– В доме.

Я вынула рапорт.

Теперь положила.

Тален отметил время и место.

Не дом.

Я развернула лист к Лиссе.

Она посмотрела.

Побледнела не сразу. Сначала прочитала строку. Потом ещё одну.

– Он мог ошибиться.

– Мог.

Она подняла глаза, явно не ожидая согласия.

– Поэтому я его спросила.

Тишина.

За окном кто-то провёл лошадь по мощённому двору. Стук копыт прошёл мимо и стих.

Лисса посмотрела туда.

Я не мешала.

Человеку, который боится тишины, иногда достаточно её дать.

– Это было давно, – сказала она наконец. – Тогда происходило много всего.

– Несколько недель назад.

– Для меня это были очень тяжёлые недели.

– Верю.

Её взгляд снова метнулся ко мне.

Кажется, ожидала давления.

Я не собиралась давить.

Во всяком случае пока.

– Тален видел вас с Элианой вне дома после её встречи с курьером.

– Если командир Рош так записал...

– Я спрашиваю не Талена.

Лисса сжала губы.

Вот теперь молчание было другим.

Не попыткой вспомнить.

Решением.

Она выбирала, какую часть ответа можно отдать.

– Мы ездили по личному делу леди Элианы.

– Куда?

– Это не имело отношения к пакету.

Наконец.

Я ничего не сказала.

Лисса поняла сама.

Её плечи опустились на едва заметную долю.

– Что? – спросила она.

– Я не спрашивала про пакет.

Лицо стало совсем белым.

Вот и ложь.

Не та, которую можно обвести красными чернилами в показаниях.

Пока только маленькая трещина.

Но она появилась точно там, где нужно.

Лисса уже знала, какой вопрос боится услышать.

– Я просто понимаю, о чём вы хотите говорить.

– Правда?

Она отвернулась.

Я посмотрела на закрытый сундук.

На второй, почти собранный.

На перчатки возле шляпной коробки.

– Когда вы уезжаете?

Теперь испуг был открытым.

– Почему вы спрашиваете?

– Потому что вещи собраны.

– Я больше не нужна дому.

– Я тоже.

Слова вырвались сами.

Лисса посмотрела на меня.

Я поправила:

– Как жена.

Она медленно кивнула.

На мгновение между нами оказалось что-то странное.

Не доверие.

Скорее узнавание положения женщины, которая слишком долго жила внутри чужого решения и теперь пыталась оказаться подальше, прежде чем решение изменится снова.

Но Лисса знала Элиану.

А я нет.
Это делало её опасно ценной.
– Вы боялись её? – спросила я.
– Леди Элиану?
– Да.
– Нет.
Первый ответ без оговорки.
– Рейнара?
Пауза.
– Лорд Дорвен никогда мне не угрожал.
Я почти вздохнула.
– Это не ответ.
Лисса стиснула пальцы.
– Его положение... само по себе имеет вес.
– Но вы боялись не его.
Теперь она посмотрела на меня резко.
Попала.
Я не знала куда.
Но попала.
– Я не говорила этого.
– И я не говорила, что говорили.
Она встала.
Слишком резко.
Подошла к окну, остановилась спиной ко мне.
У шеи под волосами выступило красное пятно.
– Вы не помните, какой тогда были.
Я замерла.
– Расскажите.
– Вы никому не доверяли.
Неожиданно.
До этого Элиану описывали иначе.
Упрямой.
Закрытой.
Отчаявшейся.
Женщиной, которая требовала, чтобы ей поверили.
Лисса говорила о другом.
– Даже вам?
– Особенно тем, кто был рядом.
Она сразу пожалела о фразе.
Я увидела это по плечам.
– Почему?
– Не знаю.
Слишком быстро.
– Лисса.
– Я правда не знаю.
Второе «правда» за разговор.
Я мысленно поставила рядом с первым.
– Но вы знаете, куда ездили с ней после встречи.
Она молчала.

– И не указали это в показаниях.
Молчание.
– Почему?
– Потому что это не имело отношения к обвинению.
– Кто решил?
Она повернулась.
На этот раз я увидела не просто страх.
Обида тоже была.
Старая и до сих пор живая.
– Все уже всё решили.
Фраза прозвучала тише остальных.
И впервые честно.
Я не стала спрашивать, кто такие «все».
Пока.
– Тогда почему вы помогли им решить без этой поездки?
Лисса закрыла глаза.
Всего на секунду.
– Я не лгала.
– Вы сказали, что после встречи Элиана вернулась в дом.
– Она вернулась.
– Сразу?
Молчание.
Ответ был передо мной.
– Нет, – сказала я.
Лисса открыла глаза.
– Я не обязана...
– Нет, не обязаны. Но и я не обязана делать вид, что ваши показания полные.
Она отступила от окна.
– Вы думаете, я сделала это вам назло?
«Вам».
Не Элиане.
Мне.
От этого по коже прошло неприятное ощущение.
Я напомнила себе, что для Лиссы разницы не существовало.
– Я не знаю, зачем вы это сделали.
– Тогда не судите.
– Не собираюсь.
Она застыла.
Я встала.
– Но в следующий раз, когда будем говорить, я хочу услышать, куда вы ездили.
– Я не сказала, что будет следующий раз.
– Будет.
– Почему вы так уверены?
Я посмотрела на сундук.
– Потому что вы ещё здесь.
Она проследила за моим взглядом.
И ничего не ответила.
Я уже дошла до двери, когда Лисса сказала:
– Не ищите там измену.

Рука остановилась на ручке.
За спиной стало тихо.
Я не обернулась сразу.
– Где «там»?
Ни звука.
Я повернулась.
Лисса смотрела в окно.
Лицо снова стало осторожным.
– Я ничего не сказала.
– Именно.
Теперь я ушла.
В коридоре было прохладнее.
Я дошла до лестницы и только там позволила себе остановиться.
Слишком мало.
Для оправдания Элианы – ничего.
Для новой версии – тоже почти ничего.
Я знала только три вещи.
После встречи с курьером Элиана не вернулась сразу домой.
Лисса была с ней.
И в официальных показаниях этой поездки не существовало.
Четвёртое было хуже.
Лисса не боялась, что я узнаю об измене.
Она боялась, что я найду что-то другое.
На первом этаже меня ждал Тален.
Не у дверей.
Посреди холла, в дорожной куртке, с грязью на сапогах и таким лицом, что про Лиссу я забыла на полуслове.
Он не объяснял.
Просто протянул мне сложенный лист.
На печати ещё оставалось тепло.
– Что случилось?
– Новый сбой.
Я развернула донесение.
В нём было мало текста.
Номер участка.
Время.
Потеря отклика.
А ниже короткая отметка специалиста:
«Предварительный признак повторной проверочной последовательности».
Той самой.
Я перечитала.
Потом посмотрела на Талена.
– Это участок из обвинения Элианы?
– Нет.
Ответ оказался страшнее, чем «да».
– Его проверяли при ней?
– Последняя обычная проверка была после её отстранения.
Я снова посмотрела на время.
Сегодня.

Не старая запись.

Не последствия пакета, отправленного прежней хозяйкой тела.

Не ошибка, которая тихо тянулась из прошлого.

Сбой произошёл несколько минут назад.

Когда я сидела с Лиссой.

Когда Элиана уже не могла тайно встречаться с курьерами, ставить печати и портить защиту Северного рубежа.

По лестнице быстро спускался Рейнар.

Он увидел лист у меня в руке и сразу понял, что я уже прочитала.

– Илла ждёт в нижнем узле.

Я сложила донесение.

Впервые с момента пробуждения мне не хотелось спрашивать, что сделала Элиана.

Потому что прямо сейчас кто-то делал что-то ещё.

И на этот раз обвинить мёртвое прошлое уже не получалось.

Глава 11. Соседняя строка

На седьмой день моей новой жизни я перестала разбирать обвинение Элианы.
Не потому, что оно стало менее важным.

Просто вчера кто-то снова ударил по защитному контуру, и на этот раз Элиана физически не могла быть причиной.

Это меняло порядок задач.

Если я хотела когда-нибудь собрать вещи и уйти из дома Дорвенов не в неизвестность, а в нормальную самостоятельную жизнь, сначала следовало убедиться, что вместе со мной не рухнет кусок Северного рубежа.

Поэтому утром передо мной лежали не показания Лиссы и не рапорт Талена.

Три других документа.

Свежий отчёт Иллы о вчерашнем сбое.

Старая заверенная выписка Совета Печатей.

И внутренняя копия технического журнала дома Дорвенов.

Не первичный журнал. К нему меня пока никто не допускал.

Но копии хватило, чтобы испортить всем настроение.

Я сидела в небольшой рабочей комнате возле нижнего узла. Здесь пахло металлом, сухой бумагой и чем-то горьким, что Илла жгла над повреждёнными пластинами.

Сама Илла стояла у стены и проверяла вчерашние следы.

Рейнар находился напротив меня.

Он не садился.

За последние несколько дней я поняла, что в его исполнении это не способ давить ростом. Мужчина просто умудрялся работать стоя так же естественно, как другие сидели.

Я положила свежий отчёт рядом со старой выпиской.

Вчерашняя последовательность выглядела просто.

Проверка.

Небольшое отклонение.

Попытка системы исправить маршрут.

Новый сбой.

Я провела пальцем ниже.

Старая выписка Совета описывала проверку того же типа.

Дата была значительно раньше обвинения.

«Проверочная матрица применена. Отклонений, требующих вмешательства, не обнаружено».

Следующая включённая запись появилась позже.

«Работа участка в пределах нормативного состояния».

Красиво.

Проверили.

Всё нормально.

Позже всё ещё нормально.

Если смотреть только сюда, никакой истории между двумя фразами не существовало.

Но во внутренней копии дома между ними стояла ещё одна строка.

Короткая.

«Кратковременное снижение отклика второго и четвёртого узлов. Стабилизация после повторной настройки».

Я перечитала её в четвёртый раз.

Она не становилась менее заметной.

– Почему этого нет в выписке?

Рейнар подошёл к столу.

Не к моей стороне. К торцу.

Взял оба листа и некоторое время сравнивал.

– Потому что выписка не обязана содержать каждую запись.

– Знаю.

Он посмотрел на меня.

Кажется, ожидал возражения.

Я указала на старый жу

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.